

100

ВЕЛИКИХ
ОПЕРАЦИЙ
СПЕЦСЛУЖБ

100 великих (Вече)

Владимир Антонов

**100 великих
операций спецслужб**

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 94
ББК 63.3(0)

Антонов В. С.

100 великих операций спецслужб / В. С. Антонов —
«ВЕЧЕ», 2015 — (100 великих (Вече))

Спецслужбы – разведка и контрразведка – как особый институт государства, призванный обеспечивать его безопасность, сформировались относительно недавно. Произошло это в начале XX века – в тот момент, когда они стали полноправной частью государственного аппарата. При любом строе, в любых обстоятельствах специальные службы защищают безопасность государства. С течением времени могут измениться акценты в их деятельности, может произойти отказ от некоторых методов работы, но никогда ни одно правительство в мире не откажется от разведки и контрразведки. В очередной книге серии рассказывается о самых известных операциях спецслужб мира в XX веке.

УДК 94
ББК 63.3(0)

© Антонов В. С., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Вместо предисловия	6
В борьбе за завоевания Октября	8
Балтийский флот возвращается	8
«Заговор послов»	12
Ликвидация «Национального центра»	16
В особом отделе Гомельской ЧК	18
Вербовка польского резидента	21
К событиям в Башкирии	24
Конец «Таежного штаба»	26
Создание Особого бюро по дезинформации	29
Охота за японскими шифрами	32
Новые направления деятельности разведки	34
Операция «Трест»	36
Операция «Синдикат-2»	40
Заговор украинских террористов	42
Китайская смута	44
«Меморандум Танаки»	47
Операция «Тарантелла»	50
Проникновение в верхушку нацистской партии	53
Нейтрализация генерала Кутепова	57
Дискредитация главы Прибалтийского филиала РОБС	62
«Информация наших дней»	64
Нейтрализация генерала Миллера	67
Сын против отца	71
По морям, по воанам...	75
Операция «Сынок»	79
Убийство в Западном экспрессе	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Владимир Сергеевич Антонов, Игорь Григорьевич Атаманенко Сто великих операций спецслужб

«Сто великих» ® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Вместо предисловия

Вниманию читателя предлагается сборник ста наиболее интересных операций, проведенных основными спецслужбами планеты с начала XX по начало XXI века.

Спецслужбы – разведка и контрразведка – как особый институт государства, призванный обеспечивать его безопасность, сформировались относительно недавно. Произошло это в начале XX века – в тот момент, когда они стали полноправной частью государственного аппарата. Так, например, британцы ведут отсчет истории своей главной специальной службы – Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС) – с 1909 года. Ее основным предназначением всегда являлось получение секретов других стран и защита собственных, а обязанностью – действовать эффективно как в военное, так и в мирное время.

За Великобританией в 1913 году последовала Германия, за ней в 1917 году – Россия, в 1935 году настала очередь Франции, а в 1947 году к ним присоединились Соединенные Штаты Америки, создавшие на сегодня, пожалуй, едва ли не самое мощное и разветвленное сообщество спецслужб. По крайней мере составить достойную конкуренцию заокеанским рыцарям плаща и кинжала могут только наши, отечественные спецслужбы.

В разное время задачи спецслужб были самыми разными и отвечали интересам государства в тот или иной момент его истории. Например, в 1920-е – 1930-е годы для советских спецслужб это были операции против белоэмигрантских, троцкистских и националистических организаций. Западные же спецслужбы в этот период сосредотачивали свои усилия на снижении авторитета и влияния молодого

Советского государства. В годы Второй мировой войны деятельность спецслужб многих стран была направлена против главного врага – фашистской Германии. Период «холодной войны» характеризовался мощным противостоянием спецслужб Запада и Востока в борьбе за политическое, экономическое и военное влияние и превосходство на международной арене. Иногда спецслужбы разных стран объединяли свои усилия в борьбе против общего врага, а затем вновь начинали враждовать.

Естественно, объем помещенных в книгу очерков неодинаков. Часть операций продолжалась длительное время, и к ним привлекались значительные силы – десятки, а то и сотни людей. Другие же операции носили молниеносный характер, и число их участников было невелико. Далеко не все операции, о которых рассказывается в книге, равноценны как по своим масштабам, так и по последствиям, не все они были великими в прямом смысле этого слова. Но многие из них имели большое влияние на дальнейшее развитие истории отдельных стран и человечества в целом.

Следует особо подчеркнуть, что на любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах специальные службы защищают безопасность государства. С течением времени могут измениться акценты в их деятельности, может произойти отказ от некоторых методов работы, но никогда правящий класс не откажется от разведки и контрразведки как важнейшего инструмента своей политики.

Ведущий американский эксперт и один из признанных авторитетов в области истории специальных служб Джеффри Толбот Ричелсон в своей книге «История шпионажа XX века», в частности, подчеркивает: «Двадцатый век стал свидетелем множества революционных преобразований в самых разных областях, но нигде это не проявилось настолько ярко, как в разведывательной деятельности.

Преображение мира в двадцатом веке – усложнение социальной структуры общества, всеохватная природа войны, бурное развитие науки и техники, появление новых государств – не могло не привести к преобразению искусства разведки. Необходимость в сведениях обо всех аспектах жизни и деятельности иноземных держав, в том числе об их совершен-

нейшем вооружении, помогла превратить разведку в современную отрасль, нуждающуюся и в системах сбора данных, созданных по последнему слову техники, и в индивидуумах, обладающих обширными познаниями в естественных и общественных науках».

На первый взгляд, приведенное выше высказывание касается прежде всего разведки. Но активизация разведывательной деятельности одной из сторон всегда ведет к совершенствованию и усилению контрразведки противоположной стороны. Об этом противостоянии, о наиболее интересных операциях, в которых участвовали и оттачивали свое мастерство сотрудники внешней и военной разведки и противостоявшие им контрразведчики и пойдет речь в предлагаемой читателю книге.

В борьбе за завоевания Октября

Балтийский флот возвращается

Октябрьская революция 1917 года в России принесла финскому народу независимость. В декабре 1917 года Совет Народных Комиссаров признал Финляндию, входившую в состав Российской империи, в качестве самостоятельного государства. 4 января 1918 года это постановление СНК было утверждено ВЦИК РСФСР.

Однако внутривнутриполитическое положение в Финляндии оставалось крайне сложным и неустойчивым. Социал-демократы и финские красногвардейцы, отстаивавшие независимость страны, стояли на позициях строгого нейтралитета, укрепления дружественных отношений с молодой республикой Советов. Им противостояли буржуазные партии, ориентировавшиеся в своих политических расчетах на Германию и Швецию. В противовес финским красногвардейцам они создали белую гвардию (шюцкор), кадры которой обучались военному делу в Германии и Швеции.

К концу января 1918 года классовая борьба в Финляндии обострилась до предела. В стране началась гражданская война.

В этой обстановке советскому правительству были необходимы достоверные сведения о наиболее важных политических и военных событиях, происходивших в Финляндии, о возможной военной коалиции финской буржуазии с Германией и Швецией, направленной против России, и о возможном использовании немецкими военными финской территории для удара по Петрограду. Иными словами, встал вопрос о получении разведывательных данных о внутривнутриполитическом положении в Финляндии и ее роли в германских военных планах.

Удостоверение А. Ф. Филиппова

Значение такой информации определялось не только тем, что Финляндия была ближайшим северным соседом России, и нельзя было допустить, чтобы она стала плацдармом для наступления германских войск на Петроград. Не менее серьезным фактором, напрямую затрагивавшим безопасность Советского государства, являлось и то, что в портах Финляндии продолжали базироваться корабли Балтийского флота. В его главной базе в Гельсингфорсе (Хельсинки) находился и возникший в мае 1917 года высший выборный орган флота – Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота). Судовые комитеты на кораблях подчинялись Центробалту и выполняли его распоряжения. Вместе с тем должного единения ни среди командиров кораблей, ни в офицерском корпусе флота, ни среди матросов не было. Команды кораблей постоянно лихорадило. А советскому правительству, естественно, не было безразлично, как поведут себя командиры кораблей и их экипажи в случае немецкого наступления.

Не менее остро стояла проблема и с гарнизоном российских сухопутных войск в Финляндии, численность которого к тому времени составляла примерно 20 тысяч человек. По

имевшимся сведениям, солдатам надоела война и они стремились поскорее возвратиться в родные места. Гарнизонная служба велась плохо, отсутствовала должная дисциплина, взаимодействие с флотом было нарушено.

Большевистское руководство поставило перед собой трудную задачу: с наступлением весны 1918 года вывести из Финляндии, по возможности, без потерь, российскую армию и флот. А для этого была нужна огромная подготовительная работа, глубокое изучение и освещение всех связанных с этим вопросов. Сделать это мог лишь человек, который до революции часто посещал Финляндию и хорошо ее знал, имел там широкие связи в правительственных кругах и среди лидеров оппозиции.

Таким человеком оказался Алексей Фролович Филиппов, являвшийся до 1917 года юристом, банкиром, издателем ряда газет и журналов. Активная издательская и банковская деятельность позволили ему приобрести обширные связи среди крупных промышленников, финансистов и политиков не только в России, но и за рубежом.

По своим политическим взглядам Филиппов был человеком прогрессивных убеждений. Оставаясь беспартийным, он поддержал Октябрьскую революцию и сразу же встал на сторону большевиков.

По инициативе Ф.Э. Дзержинского в конце декабря 1917 года Филиппов стал секретным сотрудником при Президиуме ВЧК. Именно ему лично Дзержинским было поручено выяснить истинное положение дел в соседней северной стране.

Учитывая, что Филиппов до революции много раз бывал в Финляндии и имел там довольно широкий круг знакомых, Дзержинский предложил Алексею Фроловичу выехать туда под видом корреспондента одной из российских газет. На этот раз перед Филипповым были поставлены задачи чисто разведывательного характера: сбор информации о внутривнутриполитическом положении в стране, а также изучение возможностей перебазирования кораблей Балтийского флота и российского военного гарнизона на свою территорию.

В литературе по истории советской внешней разведки отмечается, что это был первый вывод сотрудника ВЧК за кордон с разведывательными целями, положивший начало данному методу чекистской работы за границей. Этот факт нашел подтверждение и в архивных материалах Службы внешней разведки России.

В январе – марте 1918 года Филиппов неоднократно выезжал в Финляндию. Сохранившиеся в архивах разведки его письменные донесения и отчеты говорят о том, что он проявил немало находчивости, энергии и настойчивости для выполнения разведывательного задания Дзержинского. Его информация отличалась присущей опытному журналисту наблюдательностью, политической остротой и глубоким анализом.

Так, в начале 1918 года советское правительство вело усиленную подготовку к переговорам о заключении мира с Германией. Поэтому любая информация о военных планах немцев и передвижении их войск представляла для Центра большой интерес и способствовала определению позиции российской делегации на переговорах. В частности, очень важно было иметь представление о том, каким образом поведет себя Германия в отношении Финляндии, будет ли она использовать эту страну в войне против Советской России.

Значительная часть информации Филиппова относилась именно к этому кругу вопросов. В конце января 1918 года он сообщил о предстоящем захвате немцами Аландских островов. Вскоре эти сведения подтвердились. Одновременно в столице Финляндии стали циркулировать слухи о возможном наступлении немцев на Петроград. Анализируя эту информацию, Филиппов писал: «...Подготавливая умы к наступлению опасности с одной стороны, немцы идут в другом направлении. Германские войска планируют приступить к захвату Балтийского флота, базирующегося в финских портах. Без этого даже взятие Петрограда не даст им желанной победы. Поэтому необходимо убедить каждого из команд кораб-

лей, находящихся в этой стране, в важности общего выступления, так как немцы боятся только флота».

Выполняя поставленную перед ним задачу, Филиппов подробно изучил обстановку на флоте и в армейских гарнизонах, регулярно информируя о своих наблюдениях Москву. В одном из своих донесений он отмечал: «Положение здесь отчаянное. Команды ждут весны, чтобы уйти домой. Матросы требуют доплат, началось брожение... Балтийский флот почти не ремонтировался из-за нехватки необходимых для этого материалов (красителей, стали, свинца, железа, смазочных материалов). В то же время эта продукция практически открыто направляется путем преступных сделок из Петрограда в Финляндию с последующей переправкой через финские порты в Германию».

Еще более тревожное положение сложилось в армейских частях. В сообщении от 23 февраля 1918 года Филиппов проинформировал ВЧК о готовящемся нападении группы финских белогвардейцев в Гельсингфорсе и в районе Выборга на российские динамитные и пороховые погреба, так как караульная служба там, можно сказать, не велась. Он также предлагал «до ухода флота в Кронштадт развернуть вербовку на судах надежных матросов, в том числе из эстонцев и финнов». Одновременно Филиппов указывал на необходимость «срочно командировать в Финляндию надежные отряды красногвардейцев с тем, чтобы навести порядок и усилить местные гарнизоны, а местами просто заменить их».

Разведчик настаивал на немедленной организации должного взаимодействия армии и флота, которое к тому времени фактически отсутствовало. По этому вопросу он не раз беседовал с председателем Центробалта П.Е. Дыбенко. Филиппову удалось также убедить командующего Балтийским флотом адмирала Развозова, а после его отставки – заступившего на этот пост адмирала Щастного поддержать большевиков. О всех своих действиях Филиппов информировал Дзержинского и других руководителей ВЧК. Некоторые его сообщения докладывались непосредственно В.И. Ленину.

В целом разведывательная работа Филиппова в Финляндии в определенной степени помогла советскому правительству при проведении важных мероприятий по Балтийскому флоту, прежде всего по перебазированию кораблей из Гельсингфорса и Ревеля в Кронштадт в феврале – мае 1918 года, получившему название Ледовый переход.

Из истории известно, что с 17 февраля по 2 мая 1918 года в Кронштадт в сопровождении ледоколов и буксиров прибыло 4 отряда кораблей Балтийского флота. В итоге операции было перебазировано 236 кораблей, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подводных лодок, 25 сторожевиков и тральщиков, которые в дальнейшем послужили основой боевой мощи Балтийского флота Советской Республики и сыграли большую роль в обороне Петрограда и действиях на других театрах Гражданской войны.

Информация Филиппова способствовала наведению относительного порядка в гарнизонах российских войск в Финляндии, а также недопущению вовлечения в кровавую мясорубку войны десятков тысяч разобщенных и небоеспособных солдат и матросов, содействовала возвращению этих людей на родину. А это, как говорят в разведке, – главный и конкретный результат.

«Заговор послов»

Октябрьская революция 1917 года положила начало появлению на огромной территории земного шара нового независимого государства – Советской России.

Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в стране в результате революционного процесса распались или были разрушены старые социально-политические структуры.

С первых своих шагов советская власть была вынуждена отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность нового, по существу, государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с Декретом Совета Народных Комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Возглавил ее Ф.Э. Дзержинский.

Чекистам сразу же пришлось столкнуться со сложной ситуацией, угрожавшей существованию советской власти: ведущие мировые державы – Великобритания, Франция и США – организовали заговор против Советской России, получивший название «заговор послов» и предусматривавший, в частности, свержение рабоче-крестьянской власти и убийство В.И. Ленина.

Роберт Локкарт

Для пресечения подрывной деятельности резидентур спецслужб стран Антанты, действовавших под прикрытием дипломатических представительств, в ВЧК была разработана специальная операция по проникновению в среду иностранных разведчиков-дипломатов. В сборнике «Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки» по этому поводу подчеркивается, что «по масштабности оперативного замысла и технике исполнения она, по существу, являлась одной из первых квалифицированных контрразведывательных операций молодой советской спецслужбы».

Основными участниками заговора являлись: от Великобритании – руководитель специальной британской миссии в Москве Роберт Локкарт (организатор, именно поэтому заговор, который мы здесь рассматриваем, в литературе чаще называют «заговором Локкарта»), морской атташе Кроми, лейтенант английской разведывательной службы Сидней Рейли; от Франции – посол Жозеф Нуланс, генеральный консул в Москве Гренар, глава военной миссии Лавернь, капитан разведывательной службы Вертимон; от США – посол Д. Фрэнсис, генеральный консул Д. Пуль и резидент агентурной сети Ксенофонт Каламатиано.

Посольства Англии, Франции и США были превращены в единый центр антисоветской деятельности. При их содействии и денежной поддержке возник ряд контрреволюционных организаций, с помощью которых заговорщики пытались вести враждебную агитацию в войсках РККА, подготавливали в Москве и ряде других городов России контрреволюционные выступления и мятежи.

Уделим несколько строк организатору заговора, чьим именем он был позже назван.

Роберт Гамильтон Брюс Локкарт родился 2 сентября 1887 года в Лондоне. Являлся сотрудником английской дипломатической службы. С 1912 по сентябрь 1917 года – вице-консул, генеральный консул Великобритании в Москве. С января по сентябрь 1918 года занимал пост главы специальной британской миссии при советском правительстве. Разоблачен ВЧК как организатор антибольшевистского заговора международных империалистов. В августе 1918 года был арестован и в октябре того же года выслан из Москвы.

С 1928 года Локкарт – профессиональный журналист, сотрудник газеты «Ивнинг стандарт».

С начала Второй мировой войны вплоть до 1945 года – один из руководителей отдела политической разведки английского МИД (1939–1940 годы), английский представитель при временном чехословацком правительстве в Лондоне (1940–1941 годы) и директор Комитета по делам политической войны, ведавшего вопросами пропаганды и разведки (1941–1945 годы).

Автор ряда книг, в том числе воспоминаний о пребывании в Советской России. Скончался в 1970 году.

Дипломатические заговорщики под руководством Роберта Локкарта вовлекли в заговор русских контрреволюционеров и свою агентуру и с их помощью начали подготовку восстания в Москве и в ряде других городов.

Важная роль в заговоре, как мы отметили выше, отводилась Сиднеей Рейли – британскому офицеру, посланному в Россию чуть ли не премьер-министром Ллойд Джорджем. Рейли было не привыкать к российскому климату. Соломон Розенблюм по первой своей жизни, он был родом из Одессы. Накануне Русско-японской войны он побывал в Порт-Артуре, где сумел добыть оборонительный план крепости и выдать его японцам. Перед Первой мировой войной проживал в Петербурге, где увлекался авиацией. Обширные знакомства в высших кругах Питера и Москвы способствовали направлению в Лондон «интереснейшей информации самого деликатного свойства».

Рейли в совершенстве владел семью европейскими и несколькими восточными языками. Умел прекрасно перевоплощаться и обладал острым аналитическим умом.

«Заговор послов» был раскрыт и успешно ликвидирован сотрудниками ВЧК благодаря энергичным мерам, предпринятым Ф.Э. Дзержинским. Активное участие в ликвидации заговора принял молодой чекист Ян Буйкис.

Ян Янович Буйкис родился 8 февраля 1895 года в местечке Акнисте под Ригой (Латвия) в крестьянской семье. Латыш.

Во время Первой мировой войны был призван в армию и окончил военную школу для вольноопределяющихся. Служил подпоручиком в латышском стрелковом полку.

После Февральской революции был избран председателем полкового товарищеского суда. В июле 1917 года вступил в члены РСДРП(б). В марте 1918 года латышской секцией московской парторганизации направлен на работу в органы ВЧК. Занимал должность комиссара ВЧК. Участвовал в ликвидации банды Андреева, а также белогвардейских контрреволюционных организаций в Петрограде, Ярославле и Костроме.

В том же году Ян Буйкис принимал активное участие в разоблачении «заговора Локкарта». Благодаря находчивости, смелости и решительности молодому чекисту удалось проникнуть в центр белогвардейского подполья, руководимого английским дипломатом Локкартом.

Действуя под фамилией Шмидхен и под видом участника антибольшевистского заговора в Латышской стрелковой дивизии, он установил связь с английским военно-морским атташе капитаном Кроми, а также вошел в доверие к английскому разведчику Рейли. Получив от них рекомендательные письма в Москву к руководителю британской дипломатической миссии Роберту Локкарту, Буйкис, в ходе общения с ответственным британским дипломатом, собрал неопровержимые материалы относительно его преступной деятельности.

В августе 1918 года заговорщиками был разработан план захвата Кремля и ареста членов правительства, иными словами – план государственного переворота и захвата власти. Для этого Локкарт пытался подкупить находившихся в Москве латышских стрелков, охранявших Кремль. Руководство ВЧК приняло решение подставить Локкарту командира артиллерийского дивизиона латышской дивизии Э.П. Берзина, выдав его для солидности за полковника. Берзин несколько раз встречался с Локкартом и с Рейли. Последний передал Берзину в конечном счете 1 миллион 200 тысяч рублей в качестве платы за свержение латышскими полками советской власти в Москве, денонсацию Брестского договора и восстановление восточного фронта против Германии. А после войны англичане обещали содействие в признании независимости Латвии.

30 августа, после убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого и покушения на Ленина в Москве у руководства ВЧК сложилось мнение, что контрреволюционный переворот начался. 31 августа, вечером, петроградские чекисты оцепляют английское посольство на Дворцовой набережной и начинают штурм. 1 сентября 1918 года большевики публикуют сообщение о том, что «заговор послов» раскрыт и ликвидирован. Сразу же после этого сообщения французский посол Нуланс покинул Россию. Локкарт и Гренар были арестованы и высланы за пределы Советской России.

Состоявшийся затем Верховный революционный трибунал при ВЦИК 3 декабря 1918 года приговорил К.Д. Каламатиано и его помощника А. В. Фриде к расстрелу. Восемь подсудимых были приговорены к различным срокам тюремного заключения. В ходе трибунала Локкарт и Гренар и бежавшие от правосудия Рейли и Вертимон были заочно объявлены «врагами трудящихся, стоящими вне закона РСФСР».

Позже наказание в виде расстрела для Каламатиано было заменено 20 годами тюрьмы. А постановлением президиума ВЦИК от 4 августа 1921 года он был освобожден по амнистии и 9 августа того же года выслан в Эстонию. Сидней Рейли был арестован чекистами в Москве в августе 1925 года и расстрелян.

По поводу «заговора послов» в Военной энциклопедии подчеркивается: «Намерения заговорщиков, представлявших страны Антанты, получили огласку и вызвали широкий общественный резонанс, далеко выходящий за пределы России. Судебное разбирательство в Верховном революционном трибунале подтвердило опору англо-франко-американской коалиции на представителей контрреволюционных сил внутри России, пособничество которых предусматривало шпионаж, подкуп и дезорганизацию Красной Армии, взрывы мостов и поджоги продовольственных складов... Все это с целью свержения новой власти в России».

Ликвидация «Национального центра»

В начале июля 1919 года под городом Луга Петроградской губернии красноармейцы застрелили офицера Никитенко, лазутчика, пробиравшегося в армию Юденича. Среди найденных у него документов они обнаружили листок, из которого следовало, что убитый офицер являлся членом подпольной антисоветской организации, действовавшей в Петрограде и пытавшейся установить связь с белым командованием. Заговорщики создали так называемый «Национальный центр» Петрограда, в который входили барон Штромберг, князя Андронников и Оболенский, а также другие лица, вскоре арестованные чекистами и давшие показания.

Во время допросов заговорщиков выяснилось, в частности, что в Москве также действует законспирированная контрреволюционная организация «Национального центра», которая готовит вооруженное восстание в «красной столице».

В августе 1919 года в Вятской губернии милицией был задержан подозрительный человек, назвавшийся Николаем Карасенко. При обыске в его мешке милиционеры обнаружили один миллион рублей. Задержанный оказался на самом деле офицером разведывательного отделения штаба армии Колчака Николаем Крашенинниковым. Деньги он вез для контрреволюционной организации «Национальный центр» в Москве. От Крашенинникова ниточки потянулись к руководителю «Национального центра» Николаю Николаевичу Щепкину.

Операцией чекистов по ликвидации «Национального центра» осенью 1919 года непосредственно руководил Ф.Э. Дзержинский.

Ф.Э. Дзержинский

К реализации операции были привлечены такие выдающиеся чекисты, как В.Р. Менжинский и А.Х. Артузов. В ходе операции был арестован руководитель «Национального центра» Н.Н. Щепкин, в прошлом крупный деятель партии кадетов, член Государственной думы. На деятельность своей подпольной организации он получил от адмирала Колчака миллион рублей золотом.

В ходе обыска на квартире Щепкина чекисты обнаружили ряд секретных документов, среди которых были постановление Реввоенсовета Республики о сосредоточении фронтовых резервов Красной Армии в районе Тулы, а также изложение плана ее боевых действий против Деникина. Выяснилось, что этими сведениями Щепкина снабжал начальник оперативного отдела Всероссийского Главного штаба бывший царский генерал Кузнецов.

Кроме «Национального центра» в Москве в то время существовали еще две крупные контрреволюционные организации – «Союз возрождения России» и «Совет общественных деятелей», объединившиеся в так называемый Тактический центр. При нем была образована особая военная комиссия для связи с подпольными военными группами.

Во время допросов арестованных заговорщиков, в которых принимал непосредственное участие сотрудник Особого отдела Московской Чрезвычайной комиссии, будущий начальник внешней разведки

Соломон Могилевский, выяснилось также, что они были тесно связаны с резидентом британской разведки в Петрограде Полом Дюксом, через которого информация уходила в Лондон и Париж и который подписывал свои донесения псевдонимом ST-25.

Перед чекистами встала задача обезвредить контрреволюционный заговор. Они знали, что создан штаб Добровольческой армии Московского района. Его возглавил бывший генерал-лейтенант Н.Н. Стогов. Срок выступления был намечен на 21 сентября 1919 года, когда войска Деникина подойдут к Туле. Генерал Деникин планировал взять Москву до зимы и уже заготовил «Приказ № 1» о расстрелах большевиков и «Воззвание к населению Москвы».

18 сентября началась операция по ликвидации контрреволюционного заговора. 23 сентября газета «Известия» опубликовала обращение ВЧК ко всем гражданам страны по поводу разгрома «Национального центра» и привела список 67 главных заговорщиков. В общей сложности чекисты при поддержке красноармейцев арестовали около 700 участников контрреволюционных организаций.

В особом отделе Гомельской ЧК

Особый отдел ВЧК был образован в декабре 1918 года под руководством видного революционера Михаила Кедрова. Подчиненные ему особые отделы создавались при всех фронтах, армиях, дивизиях, а также в ряде губернских ЧК. Они занимались выявлением вражеской агентуры в Красной Армии, в ее штабах, на фронтах и в тылу, борьбой с саботажем и диверсиями на железных дорогах, в продовольственных и других организациях, имевших отношение к обороне республики. Поскольку в годы Гражданской войны советское правительство привлекло на службу в Красную Армию до сорока тысяч бывших царских генералов и офицеров, среди которых оказалось немало белогвардейских агентов, сотрудники особых отделов выявляли их, тайно внедряясь в штабы Красной Армии и вербуя осведомителей в армейских частях. Об их принадлежности к особым отделам знал ограниченный круг лиц.

Сотрудники особых отделов вели также разведку за линией фронта и в ближайшем тылу, внедряясь в белогвардейские организации и в штабы армий интервентов, так как в тот период в ВЧК еще не было Иностранного отдела. Особисты входили в состав военных трибуналов РККА, рассматривавших дела об измене и вредительстве, а также «в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики».

Борис Савинков

О том, какое значение приобрели особые отделы в годы Гражданской войны, свидетельствует тот факт, что 18 августа 1919 года решением ЦК РКП(б) начальником Особого отдела ВЧК был назначен Ф.Э. Дзержинский, одновременно являвшийся Председателем ВЧК. В июле 1920 года на этом посту его сменил будущий председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский. Заслуги Особого отдела ВЧК в борьбе с военным шпионажем и вредитель-

ством были отмечены приказом Реввоенсовета республики от 20 декабря 1922 года, наградившим его орденом Красного Знамени.

Особый отдел Гомельской ЧК работал в прифронтовых условиях. Основной его задачей была борьба с бандитизмом, а также с польским шпионажем. В мае 1921 года гомельские чекисты, внедрив своего агента, раскрыли в этом городе штаб так называемого «Западного областного комитета», который структурно входил в «Народный союз защиты Родины и свободы». Руководил им бывший эсеровский боевик, организовавший убийство великого князя Владимира Александровича, бывший товарищ (заместитель) военного министра Временного правительства России Борис Савинков.

Именно по его указанию в июле 1918 года в Ярославле был поднят кровавый мятеж. После подавления мятежа Савинков перешел на службу польской, французской и английской разведок.

С этим террористом, казалось бы, все ясно. Однако сегодня в независимой российской прессе появляются публикации о том, что Борис Савинков был чуть ли не святым, идейным борцом против большевиков. Некоторые авторы вообще ставят под сомнение его связь с иностранными спецслужбами.

Но вот выдержки из подлинного документа французской военной разведки, знаменитого Второго бюро, – письма, подписанного самим Борисом Савинковым и направленного им французскому военному министру Луи Барту. Письмо датировано 11 марта 1921 года. К этому времени части Красной Армии приступили к окончательному подавлению Кронштадтского мятежа, спровоцированного разведслужбами Англии и Франции (публикуется в переводе с оригинала, с сокращениями): «События, имевшие место в Петрограде, в Кронштадте и в Москве, со всей очевидностью показывают, что недалек час падения советской власти в России.

По имеющимся у меня сведениям, всеобщее восстание крестьянских масс неизбежно в России весной этого года. Именно над подготовкой этого восстания и над координацией предстоящих в благоприятный момент операций всех активных антибольшевистских сил работает Политический комитет (по эвакуации) России в Польше...

Специалисты, назначенные Политическим комитетом и правительством Национальной Украинской Республики, в настоящее время по приказу атамана Петлюры и моему приказу вырабатывают план операций на Севере России, в Белоруссии и на Украине, а также планы мобилизации частей бывших русской и украинской армий, интернированных на территории Польской Республики (при условии, что польское правительство не будет этому препятствовать).

Я надеюсь, что одновременно вспыхнут восстания в Петроградской, Псковской и Новгородской губерниях, в Смоленске, Гомеле, Минске и на Украине, а также, может быть, и в казачьих республиках...

Успех подготавливаемого восстания крестьянских масс будет означать не только падение коммунистической власти в России, но также создание демократического правительства, отношение которого к Франции и Польше будет глубоко дружеским...

Беря на себя смелость привлечь Ваше внимание к вышеизложенному, хочу надеяться, что недалек час падения коммунистической тирании и что Франция, во имя прочного мира, интересов своего союзника России и дорогой ей Польши и в своих собственных интересах, не оставит без своей поддержки Русский эвакуационный комитет и сыграет – я в этом не сомневаюсь – важную роль в близящихся революционных событиях».

К счастью, это письмо не имело последствий для Советской России. Министр Луи Барту не наложил на него никакой резолюции, и призыв Савинкова поддержать его военные авантюры в России остался без ответа: французы боялись, что «революционная зараза»

захлестнет французские экспедиционные войска на севере России, как это ранее уже имело место на юге, в частности, в Одессе, в 1920 году.

Однако сам Савинков и его соратники, активно поддерживаемые Польшей, представляли серьезную угрозу. Из Польши на советскую территорию постоянно забрасывались вооруженные отряды, состоявшие из остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры. переброску вооруженных банд через советско-польскую границу осуществляла польская разведслужба – знаменитая «двуйка», а также польская жандармерия.

В письме на имя военного министра Франции Луи Барту Савинков предсказывал, что всеобщее выступление крестьян против советской власти состоится весной 1921 года. Однако это пророчество не сбылось. Савинковцы планировали вторжение собственных банд на территорию Советской России на август того же года. Руководимый Савинковым «Народный союз защиты Родины и свободы» разделил территорию России на три полосы. Гомель в его планах входил в южную полосу вместе с Минском и Орлом. Именно туда проникали банды савинковцев. Они уничтожали пограничные заставы, убивали партийных, профсоюзных и хозяйственных руководителей, захватывали поезда. Так, в городе Демянске Новгородской губернии, занятом бандой полковника Павловского, были убиты 192 человека.

Сотрудники Гомельской губернской ЧК принимали активное участие в операции «Крот», в результате которой были арестованы около ста членов «Западного областного комитета» савинковского «Народного союза защиты Родины и свободы». Заговор возглавлял губернский военный комиссар. О важности проведенной чекистами операции свидетельствует тот факт, что для ее реализации из Москвы в Гомель были направлены ответственные сотрудники Особого отдела ВЧК Сергей Пузицкий и Игнатий Сосновский.

В мае 1921 года гомельские чекисты принимали также активное участие в выявлении и аресте уполномоченного «Народного союза защиты Родины и свободы» Эдуарда Опперпута-Стауница.

По данным гомельских чекистов, регулярными частями Красной Армии был наголову разбит сформированный на территории буржуазной Польши и вторгшийся в пределы РСФСР диверсионный отряд под командованием полковника Павловского, действия которого на советской земле отличались особой жестокостью.

Оперативная работа сотрудников Гомельской губернской ЧК по ликвидации анти-советского подполья получила высокую оценку Дзержинского. Невольно положительную оценку проведенной местными чекистами операции дал и сам Борис Савинков, который позже, на судебном процессе над ним в Москве в августе 1924 года заявил, что он возлагал большие надежды на «Западный областной комитет», но ликвидация последнего чекистами «поколебала его веру в возможность свержения советской власти путем заговора».

Вербовка польского резидента

В начале 1920 года в поле зрения московских чекистов попал подозрительный поляк по имени Игнатий Добржинский.

К тому времени в ВЧК уже имелись сведения о том, что в Москве действует резидентура «двуйки» – 2-го отдела Генштаба польской армии (военная разведка и контрразведка). Ее возглавлял некто по кличке «Сверчок». Однако под какой «крышей» скрывается польский резидент, тогда установить не удалось. Не дал результата и его активный розыск, предпринятый сотрудниками контрразведки.

Через некоторое время чекисты белорусского города Орша в результате оперативного мероприятия вышли на курьера московской резидентуры «двуйки», некую Марию Пиотух. За ней было установлено плотное наружное наблюдение, которое привело на явочную квартиру «Сверчка». Но на этот раз арестовать его не представилось возможным. Предупрежденный своими людьми, «Сверчок» скрылся из дома по черному ходу.

Игнатий Сосновский (Добржинский)

В мероприятиях чекистов по разработке польской агентуры принимал активное участие молодой сотрудник центрального аппарата ВЧК Федор Карин, приобретший ранее достаточный опыт за время работы в Оперативном отделе Бессарабской ЧК.

Собранная чекистами информация говорила о том, что резидентура «Сверчка» располагает в Москве разветвленной агентурной сетью. Для борьбы с польскими шпионами в ВЧК была создана так называемая «Комиссия Артузова», занимавшего в то время пост заместителя начальника Особого отдела. В комиссию был включен и Федор Карин.

10 мая 1920 года 750-тысячная польская армия начала наступление на Республику Советов. Польша, получившая независимость от Советской России, нанесла ей удар в спину. Противостоящие польской армии войска Западного и Юго-Западного фронтов насчитывали всего 65 тысяч бойцов. Буквально на следующий день руководство ВЧК направило Артузова с группой сотрудников Особого отдела на Западный фронт для организации особых отделов фронтов и армий и налаживания их работы против польских шпионов.

На Западном фронте московским чекистам пришлось бороться с польскими шпионами, вылавливать диверсантов, сражаться с засылаемыми в тыл Красной Армии бандами польских националистов. Им удалось предотвратить взрыв штаба Западного фронта, распо-

ложенный в Минске, которым в то время командовал Тухачевский. Согласно сохранившимся архивным материалам, в 1920 году группа московских чекистов вместе с Артузовым трижды выезжала на Западный фронт.

Одновременно чекисты вели постоянное наблюдение за резидентурой польской «двуйки» в Москве и за ее предполагаемыми сотрудниками. 25 июня 1920 года на квартире ксендза Гриневского чекистская засада задержала курьера из Польши. В возникшей перестрелке он был убит. Среди найденных у курьера документов чекисты обнаружили записку с фамилией политрука броневой части московского гарнизона Добржинского. Группа чекистов выехала к нему на квартиру. Поняв, что ему не удастся уйти, Добржинский попытался застрелиться. Однако в последний момент Федор Карин, участвовавший в задержании, схватил его за руку и не дал покончить с собой. На первых допросах Добржинский, который и являлся польским резидентом, молчал. Произведенный чекистами обыск на его квартире показал, что он являлся членом Польской партии социалистов, изучал марксистскую литературу и ходил на митинги большевистских руководителей в Москве. Вскоре удалось собрать некоторые данные на арестованного.

Игнатий Игнатьевич Добржинский родился в 1897 году в Риге. Поляк. Окончил гимназию и 2 курса историко-филологического факультета Московского университета. С 1918 года состоял в Польской организации войсковой. В том же году был призван в польскую армию. Являлся подпоручиком 2-го отдела ее Генштаба, начальником разведывательного отдела польской армии в Литве и Восточной Пруссии. В 1919–1920 годах – резидент польской разведки в России.

Вместо допросов Добржинского последовали беседы с ним на политические темы. Активное участие в них принимал Федор Карин. Он подробно рассказывал поляку о борьбе с контрреволюцией в Бессарабии и на польском фронте, приводил примеры зверств польских оккупантов в белорусских городах и селах. Избранная чекистами тактика допросов, построенная на убеждении и веских аргументах, себя оправдала. И однажды Добржинского словно прорвало. Он признался, что ему многое в политике польского маршала Пилсудского, бывшего в прошлом социалистом, не нравится, в том числе «русский поход», и что ему ближе по идейным соображениям политика Советов и правительства В.И. Ленина.

Исходя из идейных взглядов Добржинского, руководство ВЧК приняло решение убедить его в необходимости перехода на сторону советской власти. К беседам с Добржинским подключились заместитель Председателя ВЧК В.Р. Менжинский, а также член ЦК компартии Польши Ю. Мархлевский. Встречи с последним проходили в Кремле.

Вскоре Игнатий Добржинский принял далеко не простое для себя решение – прекратить деятельность своей резидентуры. Одновременно польский разведчик дал согласие на сотрудничество с ВЧК. Взамен Добржинскому было обещано, что все названные им сообщники будут возвращены на родину еще до прекращения военных действий, но только те из них, кто работал на резидентуру по идейным соображениям. Добржинский сменил фамилию и стал Сосновским. Этот псевдоним прочно закрепился за ним на всю последующую жизнь.

В конце июля 1920 года Особый отдел ВЧК арестовал более десяти тайных агентов польской разведки. Свое слово чекисты сдержали: после окончания следствия поляков доставили на Западный фронт и переправили на родину.

Позже Артузов, руководивший арестом польского резидента, писал: «Дзержинский разрешил обещать Сосновскому не стрелять идейных пилсудчиков из его агентов, а выпустить в Польшу под честное слово не заниматься больше шпионажем против РСФСР. На этом условии Сосновский стал давать показания. Дзержинский по делу Сосновского советовался с Лениным и счел возможным рекомендовать Польскому Бюро ЦК РКП(б) принять Сосновского в РКП(б)».

Вместе с Артузовым и Кариным Сосновский выехал на Западный фронт, чтобы лично удостовериться в том, что арестованным чекистами польским разведчикам было позволено возвратиться в Польшу. Одновременно Сосновский оказывал помощь особым отделам Западного фронта в ликвидации основных подпольных ячеек Польской организации войсковой, занимавшихся проведением диверсий и терактов в тылу Красной Армии.

Игнатий Сосновский, принятый на работу в ВЧК, достиг в советских органах государственной безопасности больших высот. Он работал на руководящих должностях в центральном аппарате ГПУ, являясь, в частности, одним из руководителей созданного в мае 1922 года специального подразделения органов государственной безопасности по борьбе со шпионажем – Контрразведывательного отдела Секретно-оперативного управления ГПУ республики. Затем возглавлял контрразведывательные отделы полномочных представительств ОГПУ по Белорусскому военному округу и по Центрально-Черноземной области, являлся заместителем начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. Принимал активное участие в организации и проведении ряда масштабных оперативных мероприятий.

В 1935 году Сосновскому было присвоено звание комиссара госбезопасности 3-го ранга (генерал-лейтенант). Он был награжден орденом Красного Знамени и двумя нагрудными знаками «Почетный чекист».

В конце 1936 года Сосновский был необоснованно арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. В 1958 году решением Военного трибунала Московского военного округа реабилитирован.

К событиям в Башкирии

В конце 1921 года в Башкирии возникла критическая ситуация. В республике сложились ненормальные отношения между местной ЧК и национальным башкирским руководством. Несмотря на то что в Башкирии уже была установлена советская власть, некоторые местные советские работники, не разобравшись в обстановке, а иногда и отдавая дань пережиткам прошлого, проявляли открытое недоверие к башкирским руководителям. Ответной реакцией стали вспышки буржуазного национализма среди башкир. Обострилась национальная рознь между башкирами и татарами. Тяжело сказались на настроениях людей неурожай и голод.

Не все гладко шло в Башкирии и с созданием местного государственного аппарата, регулярно возникали разногласия на почве межнациональных отношений. В целях исправления создавшегося положения ЦК РКП(б) принял решение сменить руководство ЧК автономной республики.

Положение в республике усугублялось еще и тем, что башкирское население оставалось крайне недовольно проведенной до революции столыпинской аграрной реформой, в результате которой переселенцы из Центральной России получили лучшие земельные наделы. Этим обстоятельством воспользовались башкирские националисты, которые выдвинули лозунг: «Всю землю Башкирии – только башкирам». Таким требованием, в свою очередь, были недовольны татары, являвшиеся более развитыми в экономическом отношении.

Николай Волленберг

Лидером башкирских националистов стал 27-летний сын сельского муллы, получивший хорошее образование, Ахмет-Заки Валидов. В марте 1919 года была создана Башкирская автономная республика в составе РСФСР, столицей которой до июня 1922 года был город Стерлитамак. Валидов возглавил Башкирский ревком и вскоре вступил в РКП(б). Именно при нем начались гонения на лиц татарской и русской национальностей. Ситуация осложнилась еще и тем, что в 1920 году в Белебеевском, Бирском и Мензелинском уездах Башкирии вспыхнуло крестьянское восстание, получившее название «Черный орел» и проходившее под оригинальным лозунгом: «Долой коммунистов, да здравствуют большевики и свободная торговля».

В декабре 1921 года председателем Башкирской ЧК был назначен видный чекист Николай Львович Волленберг.

Он родился в 1892 году в Витебской губернии. По национальности – немец. В ноябре 1917 года являлся одним из организаторов Красной гвардии в Белоруссии. С января 1920 года – сотрудник ВЧК, председатель Гомельской губернской ЧК. Объединил под своим руководством группу талантливых молодых чекистов, позднее ставших видными советскими разведчиками, среди которых Наум Эйтингон, Владимир Алексеев-Железняков, Павел Корнель и другие.

В короткий срок Волленбергу и присланным ему в помощь чекистам удалось нормализовать обстановку в автономной республике и создать необходимые условия для ее развития.

Приходилось чекистам бороться и с бандитизмом, который в годы Гражданской войны в России расцвел махровым цветом по всем городам и весям обширного государства.

В Башкирии также активно действовал филиал американской организации по оказанию помощи голодающим Поволжья «АРА», служившей «крышей» для американских разведчиков.

Напомним, что «АРА», или «Американская администрация помощи», была создана в США после Первой мировой войны с целью «оказания продовольственной и иной помощи народам Европы, пострадавшим от войны». Возглавлял ее министр торговли Герберт Гувер. Кадровый аппарат «АРА» в Советской России был полностью укомплектован американскими сотрудниками, которых насчитывалось более трехсот человек. Многие из них были кадровыми разведчиками. Директором «АРА» в России был полковник Хаскель, а его секретарем – разведчик Джон А. Лере, являвшийся в прошлом консулом США в Петрограде. Установленными американскими разведчиками были также помощник директора «АРА» Мэтьюз Филипп, представлявший эту организацию на юго-востоке России, а также уполномоченные «АРА» в Казани Г. Бойд, на Украине – полковник Гров, в Белоруссии – армейский разведчик Харди, в Одессе – полковник Хайнес. В Башкирии эту организацию представлял Крейг, также являвшийся кадровым американским разведчиком.

Башкирским чекистам под руководством присланных из Москвы коллег удалось полностью локализовать деятельность представителей «АРА» на территории автономной республики.

Конец «Таежного штаба»

1920 год стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые действия продолжались еще два долгих года. В ноябре 1922 года Красная Армия под командованием Иеронима Уборевича, сломав сопротивление противника, освободила Спасск, Волочаевск и Хабаровск, разгромила армию Колчака, освободила Владивосток.

Гражданская война завершилась полной победой Красной Армии. Разрозненные остатки Белой армии отступили в Корею, Шанхай и Маньчжурию. Однако на территории Приморья и Дальнего Востока обстановка оставалась крайне неспокойной. Активно действовали крупные, хорошо вооруженные отряды террористов, которые нападали на села, кооперативы, транспорт, перевозивший продовольствие и деньги, перерезали линии связи, взрывали мосты.

Так, после изгнания белогвардейцев во Владивостоке всюду орудовали бандиты, терроризировавшие население. Один из них, переодевшись в милицейскую форму, убивал советских работников и чекистов. Активные поиски преступника результатов не дали. После тщательного изучения обстановки местные чекисты провели успешную операцию по обезвреживанию террориста.

Харбин. Конец 1920-х годов

В некоторых районах края бандиты чувствовали себя почти полновластными хозяевами. В их выступлениях просматривалась явная организационная и руководящая рука. Однако чекистам никак не удавалось выйти на руководителей террористического подполья. Лишь немногие из арестованных бандитов упоминали о некоем «Таежном штабе». Но где этот штаб находится, кто им руководит, как поддерживается связь между ним и подпольными формированиями – об этом никто из них не знал.

Наконец, захваченный в плен бывший белый офицер рассказал, что «Таежный штаб» действительно существует, хотя его точное расположение ему неизвестно. Одновременно удалось установить еще одну важную деталь: штаб – не последняя инстанция, все указания, деньги, оружие присылались из Харбина. Было принято решение там искать руководящий центр подполья.

До Гражданской войны Харбин являлся «столицей» Китайско-Восточной железной дороги, находившейся под юрисдикцией России. После окончания Гражданской войны в нем обосновались остатки колчаковской армии, войск атамана Семенова, барона Унгерна, Дитерихса, множество беженцев. Среди бывшего офицерства нищета была ужасающей. И не случайно, что многие из них подались в наемники к китайским генералам или к представителям японских спецслужб. В задачи создаваемых японцами формирований входили дестабилизация положения на Дальнем Востоке, его отрыв от России, а также сбор военной и политической информации.

Вскоре владивостокские чекисты установили, что местные бандиты тесно связаны с военным отделом Харбинского монархического центра, которым руководили генерал Кузьмин и профессиональный контрразведчик, бывший начальник особого отдела армии Колчака полковник Жадвойн. Деньги на подрывную работу против Советской России им выделял японский резидент Такаяма.

Москва поручила только что созданной резидентуре ОГПУ в Харбине проникнуть в военный отдел с целью получения информации о его деятельности и о местонахождении и деятельности «Таежного штаба».

С большим трудом разведчики приобрели надежного помощника – одного из сотрудников Кузьмина и Жадвойна по фамилии Сомов. Однако он не имел непосредственного доступа к секретной документации отдела.

И все же активные поиски подходящей кандидатуры вскоре увенчались успехом. Резидентуре стало известно, что у Сомова есть близкий знакомый, также работавший в военном отделе Харбинского монархического центра. Им оказался подполковник Сергей Филиппов, служивший во время Гражданской войны в армии Колчака. Было установлено, что он отрицательно относился к зверствам таежных бандитов, за что кое-кто из офицеров считал его чуть ли не «пособником красных». Выяснилось также, что во Владивостоке у Филиппова остались жена и дочь. В Харбине он вел скромный образ жизни, нужды в деньгах не испытывал. Разработка его активизировалась.

Но однажды на одну из встреч с сотрудником резидентуры Сомов принес местную эмигрантскую газету, в которой сообщалось, что семья подполковника расстреляна во Владивостоке чекистами. Сомов рассказал, что Филиппов решил лично пойти в рейд через кордон в составе отряда полковника Ширяева, чтобы отомстить большевикам за гибель родных людей. Агент назвал время и место перехода границы.

Резидентура выяснила, что данная публикация являлась фальшивкой, а автор написал заметку за деньги по просьбе полковника Жадвойна. Стало ясно, что ценя Филиппова как специалиста, белая контрразведка решила удержать его таким образом в своих рядах.

Белогвардейский отряд беспрепятственно пропустили на советскую территорию, после чего в короткой схватке наголову разгромили. Филиппова взяли в плен. На допросах он молчал, но однажды вдруг заговорил:

– Вы со мной ничего не сделаете. Самое страшное, что может испытать человек, я уже испытал – насильственную смерть самых близких мне людей.

Вместо ответа допрашивавший его чекист встал, подошел к двери и открыл ее:

– Елена Петровна, Ирочка, идите сюда...

Когда Филиппову стала известна правда, он без колебаний согласился сотрудничать с советской разведкой. Воспользовавшись легендой об удачном побеге из окружения и обратном переходе границы, Филиппов вернулся в Харбин и стал для резидентуры надежным источником важной военной и политической информации.

Филиппову удалось также выйти и на структуры, руководившие «Таежным штабом». Владивосток стал получать на регулярной основе важные и своевременные данные о «Таеж-

ном штабе», о бандах, готовящихся к переброске, о времени и маршрутах, о лазутчиках и эмиссарах противника.

Вскоре от Филиппова стало известно, что для координации повстанческой деятельности в «Таежный штаб» направляется опытный террорист поручик Ковалев. По согласованию с Центром резидентура приняла решение вывести Филиппова из военного отдела и использовать ситуацию для его проникновения под видом Ковалева в «Таежный штаб» с целью его разгрома.

Операция прошла успешно. Было инсценировано похищение Филиппова и его «убийство чекистами». Поручика Ковалева контрразведчики захватили после перехода границы. По его удостоверению Филиппов и проник в «Таежный штаб».

В помощь Филиппову выделили группу пограничников и бывших партизан в составе двенадцати человек. Отряд Филиппова успешно добрался до «Таежного штаба». Вскоре разведчики знали практически все планы террористов. В частности, первостепенный интерес представляла информация о подготовке восстания в Спасском, Никольско-Уссурийском, Яковлевском и Анучинском уездах Приморья. Предполагалось, что оно послужит детонатором повстанческого движения в других районах. Было принято решение уничтожить штабистов.

Операция была задумана и проведена блестяще. Филиппов, являвшийся страстным фотографом-любителем, всегда носил с собой фотоаппарат. По его предложению руководители «Таежного штаба» расположились для группового фотографирования. Рядовые, в том числе и члены его группы, стояли в стороне, ожидая своей очереди. Разведчики замерли в ожидании условного сигнала Филиппова. И вот вспыхнул магний. В тот же момент раздались выстрелы, и главари штаба были уничтожены. Остальные, растерявшись, сдались без сопротивления. Разведчики приняли срочные меры для предотвращения восстания и для ликвидации оставшихся отрядов. Положение в Приморье стабилизировалось.

Создание Особого бюро по дезинформации

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК РСФСР упраздняется ВЧК. На ее базе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. 13 марта начальником Иностранного отдела ГПУ назначается Михаил Абрамович Трилиссер. Он сменил на этом посту Соломона Григорьевича Могилевского, возглавившего Закавказское ГПУ. С приходом Трилиссера к руководству внешней разведки молодого государства начался, по сути дела, новый профессиональный период ее деятельности. Разведка стала работать в полную силу: сказывался опыт агентурной работы ее нового руководителя.

В 1922 году Гражданская война закончилась на всей территории России. Страна получила мирную передышку, которую необходимо было использовать для восстановления разрушенного хозяйства. В.И. Ленин предупреждал, что Россия получила не мир, а только мирную передышку, которая продлится не более двадцати лет. Его предвидение оправдалось: в новую мировую войну Советская Россия, вернее СССР, была втянута через девятнадцать лет – в 1941 году.

Внутри страны по предложению В.И. Ленина активно осуществлялась новая экономическая политика (НЭП). Советская Россия нуждалась в иностранных специалистах, оборудовании, технологиях, капиталах. Их можно было получить в странах Европы, прежде всего в Германии, которая, подобно Советскому Союзу, также находилась в изоляции. В 1922 году в Генуе состоялась международная конференция по экономическим и финансовым вопросам с участием делегации Советской России. Новую власть в нашей стране были вынуждены признать Англия и Франция, ранее организовавшие против нее иностранную интервенцию.

Иосиф Уншлихт

М.А. Трилиссер так определил задачи внешней разведки на тот период:

- выявление на территории каждого иностранного государства контрреволюционных организаций и групп, ведущих подрывную работу против Советской России;
- разработка спецслужб противника, занимающихся шпионажем против нашей страны;
- добыча секретной политической и экономической информации по зарубежным странам;
- получение документальных материалов по всем линиям работы.

Для решения стоявших перед внешней разведкой задач Трилиссер пригласил на работу в ИНО большую группу своих соратников по подпольной работе в военной организации

партии, а также по работе на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Двое из них – С.Г. Вележев, с которым Трилиссер работал в Сибири в 1917–1918 годах, а также его соратник по дореволюционному подполью А.В. Логинов (настоящая фамилия – Бустрем) стали его заместителями. Ответственные посты в Иностранном отделе заняли Я.Г. Минскер, Я.М. Бодеско и другие опытные чекисты, которых Трилиссер хорошо знал и которым доверял.

При Трилиссере штаты внешней разведки были значительно расширены. В закордонной части ИНО стало шесть географических отделов. Работникам зарубежных резидентур ИНО была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры, а резиденты имели право включать их в агентурную сеть без согласования с Центром. Формируя штаты ИНО, Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой, приспосабливаться к быстро меняющимся условиям.

Для выполнения поставленных перед внешней разведкой задач Трилиссер создает новые закордонные аппараты и комплектует их грамотным оперативным составом. Под его руководством были образованы резидентуры ИНО в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Риме. На Востоке – в Токио, Пекине, Харбине, Сеуле – были созданы нелегальные резидентуры.

В 1922 году в Берлине была создана первая «легальная» резидентура ИНО ГПУ под руководством Бронислава Бортновского. Она располагала весьма ценными источниками информации по самой Германии, а также другим странам. В Центр направлялись, в частности, ежемесячные доклады министерства государственного хозяйства Германии об экономическом положении страны, сводки главного управления берлинской полиции (полицай-президиума) о внутривнутриполитическом положении Германии и деятельности основных политических партий. Резидентура добывала ценные сведения о позиции Франции в отношении Советской России, материалы по Польше. Центр высоко оценивал деятельность своей берлинской резидентуры. В заключении о работе ее аппарата говорилось: «Материалы дипломатического характера очень интересны, в большинстве своем вполне заслуживают внимания».

В Центр мощным потоком пошла разведывательная информация, в первую очередь – о замыслах вооруженной эмиграции и ее связях со спецслужбами иностранных государств. Борьба с вооруженной эмиграцией имела в те годы приоритетное значение для всего ГПУ, включая его Иностранный отдел.

Одновременно следует подчеркнуть, что в 1920-е годы западные страны развернули яростную пропагандистскую кампанию против СССР, грубо искажая его внутреннюю политику, приписывая ему внешней политике агрессивный характер. Все это наносило заметный ущерб международному престижу Советского Союза, мешало развитию его внешних связей, торгово-экономических отношений. В организации и проведении этой кампании ведущую роль играли спецслужбы западных стран, использовавшие в этих целях свою агентуру, действовавшую в нашей стране, а также белоэмигрантские организации

В январе 1923 года первый заместитель председателя ГПУ Иосиф Уншлихт в целях организации борьбы с пропагандой противника предложил создать специальное бюро по дезинформации. 11 января 1923 года решением Политбюро ЦК РКП (б) это предложение было принято. В недрах ГПУ было создано межведомственное Особое бюро по дезинформации (Дезинфбюро) во главе с Уншлихтом «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств о внутренней и внешней политике СССР, а также о состоянии его вооруженных сил и мероприятиях по обороне Республики».

В состав Дезинфбюро входили представители ГПУ, Разведотдела штаба РККА и НКВД. На него возлагалась задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил иностранных государств. Так организаци-

онно оформилось одно из важнейших направлений деятельности внешней разведки того периода. Дезинфбюро сыграло важную роль в подготовке и проведении таких знаменитых операций органов госбезопасности, как «Трест», «Синдикат», «Академия», «Гарантелла» и др.

На различных этапах разведывательной деятельности органов государственной безопасности операции по дезинформации спецслужб противников советской власти имели несколько чисто служебных обозначений: «активная разведка», «дезинформация», «активные мероприятия», «оперативные игры». Несмотря на различия в терминах, все они представляли и представляют определенные целенаправленные действия по введению в заблуждение фактического или потенциального противника относительно своих истинных намерений или возможностей, а также для получения выгодной, практически не достижимой открытыми способами реакции «объекта воздействия».

Дезинформационная работа, которую проводила внешняя разведка совместно с Разведупром, во многом способствовала охране подлинных государственных и военных секретов, содействовала проведению внешнеполитического курса страны, помогала разъяснению широкой общественности действительного смысла проводимой Советским государством политики.

В подтверждение этих слов обратим внимание читателя на любопытный факт из истории дезинформационной работы. В 1959 году Службу активных мероприятий внешней разведки нашей страны возглавил видный советский разведчик генерал Иван Иванович Агаянц.

А в середине 1960-х годов газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила, что ЦРУ направило в конгресс США специальный доклад, в котором указывалось, что «осуществлению многих оперативных мероприятий американских спецслужб активно мешает деятельность управления советской внешней разведки, возглавляемого генералом Агаянцем».

Но вернемся к 1920-м – 1930-м годам. Следует подчеркнуть, что в осуществлении ряда операций советских спецслужб того периода принимали активное участие многие представители старого государственного аппарата, включая опытных контрразведчиков и разведчиков, которые согласились поставить на службу новой власти свои незаурядные способности, работали не за страх, а за совесть, помогая разоблачать заговоры, раскрывать замыслы тех, кто вынашивал планы новых интервенций, оккупации российских земель. Опыт работы старых кадров был бесценен для нового режима, помогал становлению органов безопасности Республики Советов.

Важную роль в этом сыграли бывшие царские генералы Павел Дьяконов и Николай Скоблин, бывший министр Временного правительства Сергей Третьяков, бывший действительный статский советник Александр Якушев и многие другие. Об их разведывательной деятельности мы расскажем ниже.

Охота за японскими шифрами

В конце 1923 году Артур Артузов, являвшийся тогда руководителем контрразведывательного отдела ОГПУ, пригласил к себе в кабинет молодого чекиста Василия Пудина. Он знал его как быстро набиравшего опыт разведчика, честного и смелого человека, обладавшего необыкновенно цепкой памятью, и поставил перед ним новое разведывательное задание. На этот раз Пудину предстояло под видом купца Василия Шилова направиться в Харбин для работы против белогвардейцев и их японских покровителей.

После поражения царской России в войне с Японией японцы почувствовали себя хозяевами положения в Китае. В 1911 году на территории трех китайских северо-восточных провинций они создали марионеточное правительство генерала Чжан Цзолиня. Благодаря активной поддержке японцев этот бывший главарь хунхузской банды, воевавший на стороне Японии во время Русско-японской войны, стал фактически неограниченным диктатором Маньчжурии. Он совсем не считался с центральным правительством Китая, и японцы делали в его провинциях что хотели. В Мукдене, Чанчуне, Харбине, Хайларе они создали свои резидентуры и развернули работу по Китаю, а позже – против Дальневосточной республики и Советского Союза. Прикрытием для японцев служили миссии, расположенные во всех крупных городах этого района, консульства, различные «исследовательские бюро», торговые фирмы и отдельные предприятия (вплоть до парикмахерских). Разведывательная сеть японцев в основном была укомплектована опытными офицерами русского отдела генштаба Японии. В агентурной сети широко использовались русские белоэмигранты, бежавшие от советской власти колчаковцы и семеновцы.

Василий Пудин

В конце 1920-х годов японцы сочли, что Чжан Цзолинь выходит из-под их контроля и переориентируется на США. Тогда в июне 1928 года марионетку убрали: вагон поезда, в котором ехал генерал, был взорван сотрудниками японских спецслужб (впоследствии на Токийском процессе японцы признали свое участие в устранении Чжан Цзолиня). На место ликвидированного «царька» посадили его сына Чжан Сюэяна, который был преданным японцам человеком, поскольку с детских лет жил в Японии, окончил там военную школу.

Такова была в общих чертах обстановка, в которой советской разведке и контрразведке пришлось развернуть работу по вскрытию и пресечению планов и действий Японии, направленных против Советского Союза и на установление своего господства в Восточной Азии.

Харбин в те годы состоял из нескольких обособленных по национальному составу и в то же время тесно связанных между собой городских районов. Западные европейцы и русские, японцы и китайцы держались в нем особняком. Василию Пудину удалось установить в этом городе обширные связи в среде белогвардейцев, приобрести ценную агентуру. Однако проникнуть с ее помощью в секреты японцев было непросто, поскольку среди них были сильны предубеждения в отношении всех европейцев и в первую очередь – против выходцев из России.

И все-таки Пудин сумел найти уязвимые места уроженцев Страны восходящего солнца и подобрать к ним ключи. В процессе работы он установил, что высокопоставленные японские чиновники и военные, несмотря на занимаемое ими служебное положение, материально менее обеспечены по сравнению со своими европейскими коллегами, и многие из них ищут дополнительные источники дохода. Кроме того, японцы считали родной язык настолько сложным, что были убеждены: даже обладая шифрами, иностранцы не смогут серьезно навредить Японии, так как просто не поймут тексты секретной переписки. Поэтому некоторые японские дипломаты и криптографы готовы были продать известные им шифры. Через завербованную агентуру Пудину удалось их получить.

Приобретенные Пудиным шифры позволили советской резидентуре прочесть все имевшиеся в ее распоряжении документы МИД, военного министерства, торговой миссии Японии, других учреждений. Дело в том, что японцы в тот период чувствовали себя полными хозяевами во многих районах Китая и для связи между миссиями и с Токио не пользовались курьерской службой. Вся их секретная корреспонденция направлялась в зашифрованном виде обычной почтой. Советские разведчики сумели организовать перехват служебной переписки японских учреждений в Китае. А при наличии шифров, полученных Пудиным, ее содержание уже не представляло каких-либо секретов для советской разведки.

Вдобавок резидентура ИНО в Харбине длительное время осуществляла секретные выемки документальных материалов непосредственно из японских миссий.

Следует подчеркнуть, что за время работы в Китае и других странах Василий Пудин через агентуру и лично путем негласных выемок добыл сотни секретных документов, в том числе около 20 японских и китайских шифров.

Новые направления деятельности разведки

Помимо работы по белогвардейской эмиграции, другим важным направлением деятельности внешней разведки под руководством Михаила Трилиссера (руководил внешней разведкой с марта 1922-го по октябрь 1929 года) было получение за рубежом научно-технической информации.

Наиболее успешно в 1920-е годы научно-техническая разведка ИНО ОГПУ действовала в Германии. Так, в середине 1920-х годов советской разведке удалось получить ряд запатентованных химических технологий знаменитой компании «И.Г. Фарбениндустри»; сталеплавильной технологии концернов Круппа и крупнейшей сталеплавильной фирмы «Рейнметалл»; чертежи нового локомотива фирмы Борзига, крупнейшего производителя паровозов и железнодорожного оборудования в Германии.

26 октября 1925 года председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский направил в ИНО ОГПУ записку о создании при ИНО «органа информации о достижениях заграничной техники». В соответствии с этой запиской 5 марта 1926 года Военно-промышленное управление ВСНХ разработало для ИНО «Перечень вопросов для заграничной информации», который, по существу, являлся заданием правительства СССР по добыче технической документации и образцов по оборонной тематике. Для решения этого задания в ИНО было создано самостоятельное отделение научно-технической разведки. К концу 1920-х годов сотрудники научно-технической разведки добыли, в частности, информацию об испытаниях новейшей авиационной техники, артиллерийских систем, военной радиопаратуры, о переработке нефти, а также по многим другим проблемам.

Михаил Трилиссер

Не менее важное значение для СССР имела и добываемая под руководством Трилиссера информация о планах и намерениях противника в области экономики.

Еще накануне Генуэзской конференции 1922 года закордонные резидентуры получили информацию о том, что страны Антанты пытаются поставить РСФСР в условия международной изоляции. Кроме того, из Парижа пришла информация о готовящемся террористическом акте белогвардейцев против главы советской делегации на конференции. Из Берлина на имя Трилиссера поступила телеграмма следующего содержания: «По достоверным данным,

Российский торгово-промышленный и финансовый союз в Париже, объединяющий крупнейших финансовых тузов царской России, создал специальный секретный совет, целью которого является организация террористических акций против руководящих российских деятелей. Для специальной задачи выделяется фонд в полтора миллиона франков».

Перепроверка поступивших сведений показала, что во главе заговорщиков стоял известный террорист Борис Савинков, находившийся на содержании британской и французской разведок. Благодаря принятым мерам готовившаяся им террористическая акция против главы советской делегации Г.В.Чичерина была сорвана. Не удалось странам Антанты добиться и международной изоляции Советской России в Генуе. Советская делегация на переговорах в Рапалло (пригород Генуи) заключила договор с Германией об установлении дипломатических и экономических отношений. Международная блокада Советской России была прорвана, и вскоре западные государства, одно за другим, признали СССР и стали активно устанавливать с нашей страной торгово-экономические отношения.

Такое развитие событий поставило на повестку дня создание экономической разведки, призванной защищать интересы страны от недобросовестных коммерсантов, которые пытались, в частности в годы нэпа, получить в концессию советские предприятия и нажиться на них, не вложив в развитие производства ни гроша. Представители экономической разведки ИНО ОГПУ за рубежом внимательно изучали иностранные фирмы, предлагавшие различные сделки советской стороне, проекты их договоров, финансовое состояние, возможные связи с бывшими владельцами предприятий и т. п. На основе собранных и направленных в Центр сведений в Москве принималось решение по конкретным предложениям зарубежных партнеров.

Так, во время переговоров немецких предпринимателей, желавших вложить свои средства в получение концессии от треста «Северлес» на вырубку леса, экономическая разведка установила, что германская фирма необходимыми реальными капиталами не располагает. Она планирует получить концессию, чтобы перепродать ее другой фирме и извлечь комиссионную прибыль. Информация была доложена Главному концессионному комитету при Совете Народных Комиссаров, который отказал в предоставлении немецкой фирме концессии на вырубку леса.

Другой важной задачей экономической разведки 1920-х годов была борьба с фальшивомонетчиками, которые пытались наводнить советский рынок фальшивыми червонцами, так как эта валюта имела золотое обеспечение и котировалась на европейских биржах. Так, в 1924 году сотрудники экономического отделения ИНО ОГПУ установили агентурным путем, что одна из таких «фабрик» по производству фальшивых денежных знаков находится в Польше. Поначалу она располагалась в захваченном белополяками литовском городе Вильно, а затем была переведена в Варшаву. Оттуда при попустительстве польских властей фальшивые червонцы переправлялись на территорию СССР. Благодаря принятым мерам, этот канал был перекрыт.

Операция «Трест»

В мае 1922 года в связи с окончанием Гражданской войны из Особого отдела ГПУ был выделен новый – контрразведывательный отдел (КРО), который возглавил Артур Христианович Артузов, по праву считавшийся в органах государственной безопасности мастером контрразведки высокого класса. На этом посту он принимал непосредственное участие в проведении многих чекистских операций, в частности, в ликвидации заговора монархистов-николаевцев, знаменитой операции «Синдикат-2» по выводу в СССР и аресту известного террориста Бориса Савинкова, в операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика британского разведчика Сиднея Рейли и многих других.

Руководство органов государственной безопасности молодого Советского государства того периода сделало правильный вывод о том, что главную угрозу для нашей страны представляет Русский общевоинский союз (РОВС), и приняло меры по его разложению и дискредитации. Эта напряженная работа советских чекистов – разведчиков и контрразведчиков – шла не прекращаясь с первой половины 1920-х годов до начала Второй мировой войны.

Первым серьезным ударом по РОВС стала осуществленная чекистами под руководством Артузова операция «Трест». Это название она получила в связи с переходом советской власти от «военного коммунизма», вызванного разрухой и Гражданской войной, к новой экономической политике – НЭПу, когда в нашей стране возникали всякого рода тресты, картели, синдикаты. Решение чекистов провести подобную операцию родилось при следующих обстоятельствах.

В конце мая 1921 года в Германии открылся съезд русских монархистов, на котором присутствовали делегаты из разных стран. После бурных дебатов они избрали Высший монархический совет во главе с бывшим членом Государственной думы Н.Е. Марковым-вторым, известным черносотенцем. Самая многочисленная часть монархистов, включая Маркова-второго и генерала Врангеля, ориентировалась на двоюродного дядю императора Николая II – Великого князя Николая Николаевича, Верховного главнокомандующего русской армии в начальный период Первой мировой войны. Руководители монархистов понимали, что не имея сообщников внутри Советской России, они не смогут добиться свержения большевиков. Кроме того, наличие тайной антибольшевистской организации в России позволило бы им рассчитывать на финансовую и материальную помощь со стороны Антанты.

Александр Якушев и Сидней Рейли

Об операциях «Трест» и «Синдикат-2» написано множество книг и статей, сняты кинофильмы. Однако мало кто знает, как родился замысел этих классических чекистских оперативных игр с противником, закончившихся полной победой Артузова и его сотрудников – контрразведчиков и разведчиков – и разгромом белогвардейского подполья в нашей стране. А начиналось это так.

В глуши Смоленской губернии проживал генерал-лейтенант царской армии Владимир Джунковский, который в свое время был... шефом Отдельного корпуса жандармов. От своих сослуживцев этот генерал, причисленный к свите царя, отличался высокой порядочностью и честностью. Он, в частности, возражал против использования в борьбе с большевиками известного провокатора Малиновского, поскольку тот был депутатом Государственной думы, выступал против вербовки охранкой гимназистов, студентов, священнослужителей и рядовых армии. Пользуясь своим правом прямого доклада царю, Джунковский рассказал ему о пьяных оргиях «старца» Григория Распутина, за что по настоянию императрицы был отстранен от должности и направлен на фронт командовать дивизией. В декабре 1917 года он уже при большевиках вышел в отставку с сохранением мундира и пенсии, а в ноябре 1918 года выступил свидетелем на процессе провокатора Малиновского. Председателю ВЧК Дзержинскому удалось убедить Владимира Федоровича стать консультантом ВЧК в борьбе с контрреволюцией. Дзержинский познакомил его с Артузовым.

Именно Джунковский посоветовал начальнику КРО разработать операцию «Трест», которая стала классическим примером совместной работы разведки и контрразведки и вошла в учебники многих спецслужб мира. Работая над операцией, отставной генерал пояснял, что чекистам не следует гоняться за отдельными террористами и контрреволюционерами, ибо это ничего не даст. Необходимо создавать легендированные организации, членами которых якобы являются реально существующие лица, хорошо известные в белоэмигрантских кругах. Так появилась на свет созданная чекистами «Монархистская организация Центральной России» (МОЦР), которая использовалась ими для оперативной игры с Высшим монархическим советом.

Шесть лет продолжалась операция «Трест». И все эти годы в качестве «эmissара» МОЦР в Европе выступал надежный помощник чекистов Александр Александрович Якушев, бывший действительный статский советник, а в то время – ответственный сотрудник Наркомата путей сообщения, который по делам службы мог совершать регулярные поездки за границу.

Через своего знакомого, переводчика английского паспортного бюро в Ревеле, Якушев довел до члена Высшего монархического совета князя Ширинского-Шахматова специально подготовленную чекистами информацию о том, что в Москве и Петрограде якобы продолжают подпольно действовать разрозненные группы монархистов, которые он намерен объединить.

Зарубежные монархисты очень хотели верить в то, что в Советской России сохранились их активные сторонники, и «клюнули на приманку» чекистов.

В течение шести лет изо дня в день Артузов вместе с Джунковским руководили этой оперативной игрой с противником: вводили в нее новых лиц и даже организовали «инспекционную поездку» в СССР широко известного на Западе бывшего члена Государственной думы В.В. Шульгина, создавая тем самым у зарубежных монархистов авторитет легендированной организации. Шульгин посетил Киев, Москву и Ленинград и по совету Якушева подготовил и опубликовал за рубежом книгу под названием «Три столицы». Интересно, что ее первыми читателями были Дзержинский, Менжинский и Артузов. В этой книге Василий Васильевич откровенно писал, что в Советской России нет голода, жизненный уровень постепенно повышается, а население в своем большинстве поддерживает большевиков.

Для придания большей убедительности «всемогуществу» МОЦР до представителей Запада и русских монархистов чекистами доводилась информация о том, что «яркими антибольшевиками» якобы являются видный деятель партии Пятаков, «красный генерал» Тухачевский, бывшие царские генералы Потапов, Свечин, полковник Шапошников и многие другие.

«Нелегальная поездка» Шульгина в Киев породила за рубежом иллюзии в прочности позиций антисоветского подполья, которое якобы готовилось совершить переворот в стране. Британская разведка МИ-6 решила в этой связи направить в Москву своего эмиссара Сиднея Рейли, который еще в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов занимался в Маньчжурии шпионажем в пользу Японии, а в 1918 году был одним из организаторов «заговора послов».

Здесь следует подчеркнуть, что разведывательные структуры белой эмиграции, а также Англии, Франции и Польши проводили активную работу по подготовке восстаний и мятежей в Советской России. К этой работе привлекались также крупные специалисты своего дела, как британский разведчик Сидней Рейли, начальник контрразведывательной службы РОВС на юге России действительный статский советник Владимир Орлов, Борис Савинков и его брат Виктор.

На английского разведчика Рейли возлагалась задача координации деятельности русской, украинской (эмигрантских) и польской военных разведок. С этой целью в ноябре 1920 года он прибыл в Варшаву, где установил тесные контакты с представителями белой эмиграции. Одновременно русской военно-морской разведкой в Лондоне разрабатывались совместные с Англией и Францией планы по организации восстаний в Кронштадте и Петрограде в марте 1921 года.

В 1924 году Рейли под контролем чекистов «нелегально» пересек советско-финляндскую границу для встречи с эмиссарами «антисоветского подполья». Менжинский и Артузов приняли решение Рейли обратно на Запад не выпускать.

На вокзале в Москве Рейли встретила группа контрразведчиков, которые доставили его на дачу в Малаховку, где, по замыслу операции «Трест», было инсценировано заседание Политического совета МОЦР. Рейли был удовлетворен планами «руководителей организации», которым он настолько доверился, что решил через них направить из Москвы открытку своим друзьям за границу, в которой давал понять о благополучном прибытии в советскую столицу.

После «заседания политсовета» и написания открытки Рейли был арестован чекистами Сыроежкиным и Пудиным и доставлен из Малаховки во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Несколько позже чекистами было инсценировано «случайное убийство» Рейли на советско-финляндской границе при его нелегальном возвращении на Запад.

5 ноября 1925 года Сидней Рейли, приговоренный к смертной казни еще в 1918 году за участие в «заговоре послов», был расстрелян.

В 1927 году советским руководством было принято решение рассказать об аресте Рейли и о данных им в ходе следствия показаниях. В газете «Правда» от 9 июня 1927 года под заголовком «Арест английского разведчика Сиднея Рейли» было опубликовано официальное правительственное сообщение, в котором, в частности, говорилось: «Летом 1925 года при нелегальном переходе финляндской границы из СССР был пограничной охраной ранен и арестован некий “купец” с советским паспортом на имя Штейнберга. Будучи допрошен, он показал, что на самом деле он вовсе не Штейнберг, а известный английский разведчик, капитан королевской авиации Сидней Георг Рейли, один из главных организаторов заговора Локкарта, трибуналом от 3 декабря 1918 года объявленный вне закона.

Рейли показал далее, что он приехал в СССР со специальной целью организации террористических покушений, поджогов, восстаний и т. д. Более того, Рейли добавил, что он, про-

ездом из Америки, был у канцлера казначейства и одного из ответственных министров британского короля Черчилля, который лично давал ему инструкции по организации террористических покушений и других диверсионных актов. Его письменные показания имеются в распоряжении правительства. Материалом, взятым при дальнейших арестах, показания Рейли были целиком подтверждены».

В 1927 году операция «Трест», полностью выполнившая стоявшие перед ней задачи, была завершена.

Операция «Синдикат-2»

Параллельно с операцией «Трест» чекисты не менее успешно осуществляли разработанную начальником контрразведывательного отдела ГПУ— ОГПУ Артуром Артузовым операцию «Синдикат-2». Она завершилась в 1924 году выводом в СССР и арестом руководителя террористической белогвардейской организации «Союз защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова.

Для реализации этой многоходовой операции в Москве была создана легендированная подпольная антисоветская организация «Либеральные демократы», одним из полномочных представителей которой являлся опытный сотрудник ВЧК Андрей Павлович Федоров, с 1919 года работавший на ответственных должностях в контрразведке и разведке.

В 1922 году перед Федоровым была поставлена задача по пресечению деятельности возглавляемого Савинковым «Союза защиты Родины и свободы». В операции «Синдикат-2» ему отводилась одна из главных ролей.

Через эмиссара Савинкова в Москве Зекунова Федоров вышел на самого руководителя белогвардейской организации. Выступая в качестве руководителя легендированной чекистами организации «Либеральные демократы», разведчик неоднократно по заданию ГПУ выезжал в Париж и другие европейские страны, где встречался с Савинковым и активистами его организации, а также с британским разведчиком Сиднеем Рейли. Бывая по заданию Дзержинского в Польше, Федоров встречался с сотрудниками военной разведки этой страны, которых снабжал специально подготовленными в Москве дезинформационными материалами.

Андрей Федоров

Борис Савинков настолько поверил в реальность существования «Либеральных демократов» и словам Федорова о том, что этой организации нужен энергичный вождь, что в августе 1924 года решил лично посетить СССР. Вместе с сопровождавшими его членами организации Деренталь и Фомичевым Савинков был арестован чекистами на конспиративной квартире в Минске и доставлен в Москву на Лубянку. Его допросы вели А.Х. Артузов и его заместитель по КРО РА. Пилляр.

Артур Христианович часто подолгу беседовал с Савинковым, который вынужден был признать свое поражение и дать высокую оценку работе чекистов.

27—29 августа 1924 года в Военной коллегии Верховного суда проходили слушания по делу Бориса Савинкова, который полностью признал предъявленные ему обвинения. Суд приговорил его к расстрелу, однако решением Президиума ВЦИК высшая мера наказания была заменена лишением свободы сроком на 10 лет.

31 августа 1924 года Савинков написал в Лубянской тюрьме письмо, адресованное сестре. В нем, в частности, говорилось: «Милая моя сестра! Ты, конечно, спрашиваешь себя, почему я признал Советскую власть?»

.. Прежде всего, ты должна знать, что никто меня не “пытал”, не “мучил”, не уговаривал и не убеждал. Если я признал Советскую власть, то не потому, что меня заставили это сделать, а потому, что я, по совести, иначе поступить не мог...

Я пошел против большевиков, не преследуя личных целей и не для защиты имущих. Я пошел потому, что верил, что большевики несут русскому народу, русскому крестьянину и рабочему рабство и нищету. Ну а если бороться, то бороться с винтовкой в руках, а не увещеваниями и речами... Я прошел такой путь, как никто...

Скажи, почему, когда красные расстреливали нас, мы кричали о “насилии и произволе”, а когда мы расстреливали их, расстреливали часто зря, “за здорово живешь”, то считалось, что мы совершаем подвиг? Я не был слеп. Я не был глух. Я видел и слышал, и ты знаешь, что вернувшись из Мозыря, я задумался над “нами” и “ими”. В сущности, я душевно был уже побежден... А главное, я понял тогда, что я и мы все в тисках у иностранцев, что мы не столько служим России, сколько им, иностранцам...

Уже весной 23-го года мне стало окончательно ясно, что с красными бороться нельзя, да и не нужно, ибо не с нами, а с ними рабочие и крестьяне...

Знаю, что эмиграция негодует. Пусть негодует. “Верхи” эмиграции давно утратили мое уважение...

Сегодня я признал Советскую власть. Я признал ее в результате моей долголетней, тяжелой, упорной, не словесной, а окровавленной борьбы. Верь мне: завтра признают эту власть многие, послезавтра признают все, кроме тех сумасшедших, которые предпочтут эмигрантскую гниль... Надо иметь мужество признавать свои поражения, как надо иметь мужество сознаваться в своих ошибках».

После вынесения приговора Борис Савинков продолжал оставаться во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. 7 мая 1925 года он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна кабинета следователя.

В ходе реализации операции «Синдикат-2» были также арестованы активные члены «Народного союза защиты Родины и свободы» штабс-капитан Герасимов, профессор Исаиченков и полковник Павловский.

По результатам операции «Синдикат-2» группа принимавших в ней активное участие чекистов была награждена орденами. Среди них был тогда еще начинающий, а в дальнейшем – видный советский контрразведчик и разведчик Григорий Сыроежкин. В представлении к награждению молодого чекиста, подготовленном заместителем начальника КРО Р.А. Пилляром, в частности, говорилось (стиль оригинала сохранен): «Тов. Сыроежкин Григорий Сергеевич принимал активное участие в разработке дела Савинкова, неоднократно рискуя жизнью. Состоял официально сотрудником ОГПУ, посылался неоднократно в Польшу. Во время поездок, чрезвычайно рискованных, проявил огромную находчивость и смелость.

Лишь благодаря этому ему удалось избежать почти неминуемого ареста, влекшего за собой неминуемый расстрел и провал разработки дела.

Ходатайствую о награждении его орденом Красного Знамени».

Заговор украинских террористов

В 1931 году сотрудникам резидентур советской внешней разведки в Праге и Брюсселе удалось проникнуть в Организацию украинских националистов (ОУН) и постоянно быть в курсе их террористических планов.

Как известно, ОУН была создана еще в годы Первой мировой войны на деньги австрийского генштаба. До своего разгрома в 1918 году австрийская военщина вынашивала планы отторжения от России ряда районов Волыни, Подолии, Бессарабской губернии и Русской Польши. На реализацию планов создания «самостийной», а на самом деле зависимой от Вены Украины австро-венгерский генштаб выделил 50 миллионов крон. После краха Австро-Венгерской империи украинские националисты нашли покровителей сначала в лице Англии и Франции, а затем – нацистской Германии. Проникновение советской разведки в штабы ОУН позволяло ей постоянно быть в курсе их подрывных и террористических планов в отношении СССР и успешно противодействовать созданию «независимой» Украины под протекторатом Германии.

В середине 1933 года резидентуре советской внешней разведки ОГПУ в Брюсселе стали известны планы главарей украинского профашистского националистического объединения совершить террористический акт в отношении наркома иностранных дел СССР Максима Максимовича Литвинова во время его предстоящего визита в Соединенные Штаты Америки.

Иван Каминский

Было известно, что за океан Литвинов проследует через ряд европейских стран, а затем воспользуется пароходом. В ходе данного визита наркому предстояло обсудить с американскими представителями конкретные шаги по установлению дипломатических отношений между двумя странами (обмен дипломатическими миссиями между США и СССР был осуществлен в начале 1934 года).

Планы боевиков ОУН были вскрыты советским разведчиком Иваном Каминским, внедренным чекистами в руководство организации.

Разведчик присутствовал на специальном совещании террористов в Брюсселе, которое состоялось на квартире архитектора Дмитрия Андриевского. Помимо самого Андриевского, на совещании украинских националистов присутствовали члены Центрального провода (руководства) ОУН Коновалец, Богуш и Сциборский. Осуществление террористического

акта возлагалось на «пятерку» украинских боевиков во главе с Лукой Мишугой. Они получили подробные инструкции и были обеспечены необходимым оружием. В октябре 1933 года группа Мишуги прибыла в США из Западной Европы.

На совещании в Брюсселе украинские националисты обсуждали также вопрос о том, как известить население Украины об убийстве советского наркома.

Угрозы со стороны украинских националистов были вполне реальными. Незадолго до этого, в том же 1933 году, внешняя разведка ОГПУ сорвала их планы организовать взрыв советского полпредства в Варшаве, реализация которого была поручена членам ОУН Сциборскому и Ляхойну.

Аналогичную информацию о планах Русского общевоинского союза (РОВС) совершить теракт в отношении М.М. Литвинова во время его проезда через Францию получила резидентура ИНО ОГПУ в Париже.

Исходя из имевшейся информации чекисты-разведчики предприняли меры по усилению охраны наркома Литвинова. Вся агентура резидентур ОГПУ в Польше, Германии, Бельгии и Франции, через территории которых пролегал его путь, была приведена в боевую готовность. Советская внешняя разведка через официального представителя Амторга в Нью-Йорке оповестила власти США о готовящемся заговоре.

Президент США Ф. Рузвельт принял энергичные меры по предотвращению покушения: по его распоряжению ФБР взяло под плотный контроль всех членов группы Мишуги. А к 7 ноября 1933 года, когда теплоход «Беренгардия» прибыл в Нью-Йорк, все украинские террористы были уже обезврежены.

На теплоходе советского наркома охраняли восемь крепких телохранителей-американцев, которые не отходили от него ни на шаг. Все передвижения Литвинова по стране проходили только на автомашине, маршруты движения которой держались в секрете до самого последнего момента. За все дни пребывания в США советская делегация пешком ходила всего дважды. Переданное Советскому Союзу здание бывшего посольства императорской России, в котором остановилась советская делегация, было окружено плотным кольцом охраны. Переговоры прошли успешно. 16 ноября 1933 года между СССР и США была достигнута договоренность о начале процедуры по восстановлению дипломатических отношений между двумя странами в полном объеме. 25 ноября нарком иностранных дел СССР Литвинов благополучно покинул США. Подготовка покушения на него украинскими террористов провалилась.

Китайская смута

В результате начавшейся в середине 1925 года в Китае буржуазнодемократической революции, объединившей национальную буржуазию, мелкую городскую буржуазию, рабочих и крестьянство, в трех провинциях на юге страны была установлена революционная власть

Национального правительства. К концу 1926 года Национально-революционная армия (НРА) освободила еще четыре основные китайские провинции. В начале 1927 года восставшие рабочие освободили Шанхай, в который затем вступили части НРА.

Исидор Мильграм

Однако напуганная размахом революционного движения рабочих и крестьян национальная китайская буржуазия предала революцию. Уже 12 апреля 1927 года при ее поддержке правое крыло гоминьдана (Национальной партии), возглавляемое главнокомандующим НРА Чан Кайши, организовало в Шанхае и Нанкине контрреволюционные перевороты. Через два месяца контрреволюционный переворот произошел в Ухани. Компартия Китая была объявлена вне закона, профсоюзы и крестьянские союзы распущены. В стране начался разгул контрреволюции и сепаратизма, направленный на ее расчленение.

Политические события в Поднебесной крайне тревожили Москву. Политика советского руководства базировалась на стремлении сохранить Китай как единое государство и оказании помощи прогрессивным силам страны в урегулировании межнациональных отно-

шений. Информация по данным вопросам являлась приоритетной в деятельности резидентур внешней разведки в Китае, которых к 1927 году насчитывалось семнадцать.

Одновременно советская внешняя разведка своими силами активно противодействовала настойчивым попыткам спецслужб ряда стран, в первую очередь Японии, создать на территории Китая ряд марионеточных государств наподобие Маньчжоу-Го.

В официальных материалах СВР по этому поводу, в частности, указывается: «Резидентуры не только обеспечивали Центр информацией о намерениях Японии в военной, политической и экономической областях, но и предпринимали конкретные действия по нейтрализации и срыву попыток Токио дезинтегрировать Китай, который к середине 1930-х годов оказался разделенным на несколько частей».

В то же время на территории Китая нашли убежище многочисленные белогвардейские банды. В стране активно действовали японские спецслужбы. Именно они должны были стать главными объектами агентурного проникновения советской разведки в Китае.

Шанхай являлся в то время китайской экономической столицей, крупнейшим промышленным и пролетарским центром страны. Одновременно он был также узлом межимпериалистических противоречий и базой иностранного господства в Китае. Город состоял из просторной и благоустроенной территории Международного сэттельмента и Французской концессии и тесного, скученного до предела китайского города. Среди иностранного населения Шанхая начала 1920-х годов самой большой и влиятельной была английская колония, затем шли французы, американцы, немцы. Замкнутой и тесно сплоченной колонией жили японцы. Такой Шанхай был крайне удобен для связей с внешним миром и для ведения там разведывательной работы.

Резидентом ИНО ОГПУ в этом городе был Яков Григорьевич Минскер. Его заместителем с 1925 года являлся Наум Эйтингон, прибывший в страну по паспорту на имя Леонида Александровича Наумова и занимавший по прикрытию должность вице-консула.

Работа резидентуры в Шанхае осуществлялась в сложных условиях. В марте 1927 года главный советский военный советник Михаил Бородин, следуя пожеланиям компартии Китая и указаниям Коминтерна, предпринял неудачную попытку сместить Чан Кайши с поста главнокомандующего китайской армии. Руководство КПК стало формировать отряды Красной гвардии в пролетарском Шанхае с целью организации вооруженного восстания, провозглашения революционного правительства и создания китайской Красной армии. В ответ Чан Кайши, как мы уже отмечали выше, предпринял наступление на Шанхай, который под ударами его войск пал 12 апреля 1927 года. Восстание китайских коммунистов было подавлено, 25 руководителей компартии Китая были казнены.

В конце апреля 1927 года по указанию Чан Кайши китайская полиция совершила налет на советское генеральное консульство в Пекине. В ночное время группа китайских солдат и полицейских при содействии местной охраны посольских кварталов и с ведома послов ведущих западных стран учинила погром в советском генеральном консульстве.

В результате было изъято большое количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и материалы о поставках советского оружия компартии Китая, а также инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи советским разведчикам в их работе.

Исключительные стойкость и мужество проявил в этой ситуации резидент ОГПУ в Пекине Исидор Мильграм. Благодаря его усилиям удалось освободить арестованных китайцами в жилом комплексе генерального консульства советских граждан и отправить их на Родину.

После событий в Пекине основные усилия советской разведки были перенесены в Харбин. В Маньчжурии, столицей которой был Харбин, постоянно проживало большое количество – до ста тысяч – выходцев из России. Здесь нашли убежище многочисленные белогвардейские банды, в том числе отряды атамана Семенова.

В то же время харбинская резидентура активно действовала не только по белогвардейской эмиграции. Весьма эффективной была ее работа против японских спецслужб, готовивших оккупацию Маньчжурии императорскими войсками. Сотрудникам резидентуры удалось также приобрести японские шифры.

В связи с тем, что харбинская резидентура получила свыше 20 японских шифров, в Харбин была направлена специальная оперативная группа дешифровальщиков, которая ежемесячно расшифровывала до 200 японских шифртелеграмм. Кроме того, сотрудникам резидентуры ОГПУ удалось получить доступ к дипломатическим вализам генконсульства Японии в Маньчжурии. Осуществляя перлюстрацию его почты, резидентура была в курсе планов Токио в отношении Китая и нашей страны, о чем своевременно информировала Центр.

В 1927 году харбинской резидентурой был завербован бывший офицер-капеллевец и полковник китайской армии, член террористической белогвардейской организации «Братство русской правды», который получил оперативный псевдоним «Браун». От него на постоянной основе поступала информация о положении в белогвардейских эмигрантских организациях, а также о попытках японцев сформировать при помощи атамана Семенова казачьи части, которые они намеревались использовать в будущей войне Японии против СССР.

В 1928 году резидентура получила особо секретную информацию о переговорах мукденского милитариста Чжан Сюэяна с японцами о создании в Северо-Восточном Китае независимой Маньчжурской республики под протекторатом Японии, которая должна была включать в себя как саму Маньчжурию, так и Внутреннюю и Внешнюю Монголию.

Между тем активность резидентуры ОГПУ в Харбине не осталась незамеченной местными властями. 27 мая 1929 года китайской полицией был произведен налет на советское генеральное консульство.

Из-за провокаций китайских властей советское правительство 17 июля 1929 года заявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. В результате все «легальные» резидентуры ОГПУ в Китае временно прекратили свою работу. Разведка с территории Китая стала вестись с нелегальных позиций.

«Меморандум Танаки»

В конце 1920-х годов в харбинской резидентуре ОГПУ, руководимой в те годы опытным чекистом Федором Кариным, действовали такие в будущем ставшие знаменитыми разведчики как Василий Пудин, Сергей Шпигельглаз и Василий Зарубин. Они принимали самое активное участие в вербовке агентуры, которая в течение многих лет поставляла весьма ценную информацию и документальные материалы. Так, резидентуре удалось привлечь к сотрудничеству русского эмигранта Ивана Трофимовича Иванова-Перекреста. Он имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, работавших в японских учреждениях. Как вспоминал впоследствии генерал-майор Василий Зарубин, являвшийся в то время заместителем резидента Карина, «Перекрест был агентом-групповодом и самостоятельно занимался вербовкой агентуры. Он добывал также весьма ценную информацию о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии».

Генерал Гииши Танака и его меморандум

Через Перекреста Василию Пудину в 1927 году удалось добыть исключительно важный японский документ – «меморандум Танаки». Как подчеркивается в официальных документах СВР России, «получение “меморандума Танаки” явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 1920-х – начала 1930-х годов».

Пришедший к власти в 1927 году премьер-министр Японии генерал Танака являлся активным сторонником последовательной подготовки страны к войне с Советским Союзом. Его позиция по данному вопросу была сформулирована 25 июля того же года в меморандуме, представленном императору Японии и правительству страны.

В этом документе впервые открывались истинные планы Японии по завоеванию мира. Обозначались этапы осуществления этой задачи: сначала подчинение Маньчжурии и Монголии, затем Китая. После овладения ресурсами Китая Япония должна была перейти к завоеванию Индии, стран бассейна Тихого океана, Малой и Центральной Азии и, наконец, Европы. Одновременно в качестве «программы национального развития Японии» в меморандуме выдвигалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией».

Премьер-министр и министр иностранных дел Японии генерал Танака, в частности, писал: «Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно

скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР.

Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до озера Байкал. Что касается дальнейшего наступления на запад, то это должно быть решено в зависимости от дальнейшей обстановки, которая сложится к тому времени. Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений империи.

Япония не сможет устранить свои затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику “крови и железа”. Поэтому мы должны установить контроль над Китаем и сокрушить Соединенные Штаты Америки. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны южных морей станут нас бояться и капитулируют перед нами. Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы.

Япония должна завоевать мир, а для этого она должна завоевать Европу и Азию, и в первую очередь – Китай и СССР».

В сентябре 1927 года в Сеул прибыл новый резидент ИНО ОГПУ в Корее Иван Чичаев. В сложной обстановке оккупации страны японцами он привлек к сотрудничеству офицера японской политической полиции «Ало», который передал в резидентуру множество материалов о планах японского правительства. Наиболее важным из них был «меморандум Танаки».

Резидент Чичаев вспоминал в дальнейшем: «“Меморандум Танаки” лег на мой стол обширным и многоплановым документом, требующим серьезных размышлений. Он нуждался в срочном и квалифицированном переводе, а также в тщательном первичном анализе».

Получение одного и того же документа харбинской и сеульской резидентурами подтвердило его подлинность.

Руководство советской внешней разведки приняло решение опубликовать «меморандум Танаки» через свои возможности в американской печати. Его обнародование вызвало грандиозный международный скандал. Япония выступила с опровержениями, однако ей никто не поверил. После разгрома милитаристской Японии в 1945 году «меморандум Танаки» фигурировал в качестве официального документа на Токийском трибунале, осудившем японских военных преступников.

В 1928 году резидентурой ОГПУ в Харбине была также получена докладная записка военного атташе Японии в Москве генерала Касахары, представленная им в генеральный штаб, в которой обосновывалась необходимость начала военных действий против СССР. Будучи ярким врагом Советского Союза, но далеко не глупым человеком, Касахара подчеркивал в своей докладной записке, что «воевать с СССР нужно сейчас, или не воевать никогда впоследствии». Позиция генерала была должным образом оценена японским военным руководством: после возвращения из Советского Союза он был назначен на должность начальника 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления генерального штаба японской армии.

На процессе японских военных преступников в Токио в 1946–1948 годах генерал Касахара выступал, благодаря покровительству американцев, не как обвиняемый, а как свидетель. На вопросы трибунала он отвечал уклончиво до тех пор, пока ему не были предъявлены фотокопии его докладной записки. Только после этого он полностью признал не только подлинность документа, но и свое авторство.

Операция «Тарантелла»

В декабре 2000 года, накануне своего 80-летия, Служба внешней разведки Российской Федерации рассекретила материалы операции под кодовым названием «Тарантелла», активная фаза которой приходилась на 1930-е годы. Ее непосредственными организаторами и руководителями были начальник Иностранного отдела ОГПУ Артур Артузов и его заместитель Абрам Слуцкий.

Выбор этого названия диктовался национальным происхождением выдающегося контрразведчика и разведчика Артузова, отец которого был швейцарцем итальянского происхождения.

А началась эта операция значительно раньше – после эвакуации белогвардейской армии Врангеля из Крыма в Турцию. Именно тогда английская разведка Сикрет интеллидженс сервис начала активно работать в среде русских эмигрантов, собирая информацию по Советскому Союзу. Одновременно СИС начала привлекать к сотрудничеству на профессиональной основе бывших кадровых сотрудников спецслужб Врангеля и Деникина.

Борис Лаго

Одним из таких людей был специалист по агентурной работе Виктор Богомолец. Он достаточно быстро достиг определенных высот в разведывательной деятельности на новых хозяев, став впоследствии региональным резидентом Сикрет интеллидженс сервис.

Вначале Богомолец специализировался на сборе информации о Советском Союзе с территорий сопредельных ему государств – Польши, Румынии и Прибалтийских стран.

Затем перед ним была поставлена конкретная задача по приобретению источников надежной информации о положении в СССР, используя для этого каналы русской эмиграции.

Советской разведке удалось подставить Богомольцу, а фактически – английской разведке, Бориса Федоровича Лаго.

Он являлся заметной фигурой русского зарубежья: невозвращенец, участник белогвардейской группы «Борьба», автор многочисленных публикаций в белоэмигрантской печати, разоблачавших деятельность чекистов в Западной Европе. Но вся эта деятельность являлась прикрытием активного и удачливого разведчика, кадрового секретного сотрудника ИНО ОГПУ, проходившего по переписке Центра под псевдонимом «Марсель». Во внешней разведке Борис Лаго работал с 1922 года. Являлся сотрудником берлинской объединенной резидентуры ОГПУ и Разведывательного управления Штаба РККА. В 1925 году был арестован в Румынии и приговорен к 5 годам заключения. Отбывал срок в каторжной тюрьме Дофтана. После выхода из тюрьмы в 1930 году объявил себя невозвращенцем, написал антисоветскую книгу. Вскоре внедрился в резидентуру английской разведки в Румынии и стал доверенным лицом заместителя резидента СИС белоэмигранта Виктора Богомольца. Передавал советской разведке весьма ценную информацию.

Руководители СИС были крайне довольны работой тандема Богомольца – Лаго. Информация, поступавшая по этому каналу из Москвы в штаб-квартиру СИС якобы от связей Лаго, крупных хозяйственных работников и партийных функционеров, всегда пользовалась там повышенным вниманием.

Безусловно, одной из основных задач операции «Тарантелла» являлось блокирование мероприятий английской разведки в отношении СССР и удержание под надежным контролем ее деятельности на советской территории.

Однако главной целью, которую преследовал Центр при организации операции «Тарантелла», являлось продвижение в правящие круги Великобритании с использованием ее собственной секретной службы направленной информации (а точнее – дезинформации), выгодной Советскому Союзу. И ведущую роль в этой операции играл секретный сотрудник ИНО Борис Лаго, который более четырех лет снабжал Богомольца дезинформационными материалами. А поставляли такую информацию, специально готовившуюся на Лубянке специалистами ОГПУ, его секретные сотрудники как в СССР, так и за его пределами, которых СИС считала своими надежными агентами.

По своей значимости «Тарантелла» может быть смело поставлена в один ряд с операциями «Трест» и «Синдикат». Под руководством Артузова в штаб-квартиру СИС продвигалась информация о том, что, благодаря успешному выполнению пятилетних планов в СССР, западные страны, включая конкурентов Англии – США, Германию и Францию, – имеют возможность активно сотрудничать с Москвой в экономической области и могут потеснить Лондон на обширных

советских рынках. После разгрома оппозиции советское руководство чувствует себя уверенно, полностью контролирует обстановку в стране и положение в армии. Надежды внешней контрреволюции на крах советского режима беспочвенны, поэтому Запад должен отказаться от интервенции в СССР и активно сотрудничать с ним в деле создания системы коллективной безопасности в Европе. О некоторых наиболее существенных специальных мероприятиях «Тарантеллы» докладывалось непосредственно Сталину.

В ходе операции «Тарантелла» советская разведка через Богомольца получила доступ к документам и материалам польских и румынских спецслужб. На регулярной основе в Центр поступала информация относительно перевооружения Германии, о начале массового выпуска бомбардировщиков и истребителей, а также подробные сведения относительно деятельности созданного в конце апреля 1933 года министерства авиации во главе с Герингом: о структуре, функциях и персональном составе нового германского ведомства.

Операция «Тарантелла» официально завершилась в 1945 году, когда Виктор Богомолец принял решение перейти на прямое сотрудничество с СССР. Это была одна из удачных операций, которая продолжалась длительное время и закончилась без провалов агентов.

Проникновение в верхушку нацистской партии

К началу 1930-х годов внутривнутриполитическое положение в Германии резко осложнилось, к власти в стране рвались нацисты. Берлинская резидентура ОГПУ еще в 1929 году получила документальную информацию, свидетельствующую о намерении правящих кругов Германии отойти от Рапалльских соглашений. В Москве понимали, что Гитлер – это война. Но куда он направит свой первый удар – на Запад или на Восток?

Резидент Борис Берман докладывал в Центр о реальности прихода нацистов к власти и об их агрессивных намерениях в отношении нашей страны.

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав вопрос о работе Иностранного отдела ОГПУ, приняло специальное решение о совершенствовании работы внешней разведки. В соответствии с этим решением Иностранный отдел должен был сосредоточить свои усилия на разведывательной работе против Японии, Англии, Франции, Германии, Польши и других соседних стран. В связи с возможной угрозой войны особое внимание в документе уделялось постепенному переводу разведывательной работы за рубежом на нелегальные позиции. Исполнять это решение предстояло новому начальнику советской внешней разведки Артуру Артузову. Под его руководством внешняя разведка в первой половине 1930-х годов добилась значительных результатов.

Александр Добров (тюремный снимок)

Исходя из создавшейся ситуации в Германии начальник внешней разведки Артузов принимает решение о проведении операции по проникновению в верхушку нацистской партии. Главным исполнителем операции становится секретный сотрудник Экономического управления ОГПУ Александр Матвеевич Добров, работавший под прикрытием старшего инженера текстильного директората ВСНХ РСФСР.

Александр Матвеевич Добров родился в 1879 году в Москве. В 1906 году окончил Московское высшее техническое училище, после чего продолжил учебу в Швейцарии. Получил диплом инженера по химической обработке текстильных изделий, некоторое время работал инженером-химиком на красильной фабрике в Базеле. После Октябрьской революции вернулся в Россию и трудился в текстильной промышленности. С 1929 года – секретный сотрудник ОГПУ. По роду работы был связан с представителями германской фирмы «И.Г. Фарбениндустри», имевшей свои интересы в России. Считался отличным специалистом, был хорошо известен в немецких кругах в Москве. Данное обстоятельство и было использовано

Иностранным отделом ОГПУ, чтобы попытаться внедрить Доброва в верхушку нацистской партии.

В июне 1931 года советская внешняя разведка организует выезд Доброва для «лечения» в Карловы Вары. Оттуда он должен был неофициально посетить Берлин, чтобы через свои связи решить три основные задачи: выйти на руководство нацистской партии; установить связь с британской разведкой и «предложить» ей свои услуги; установить связь с бело-гвардейской эмиграцией в Берлине и получить от нее явки в Советском Союзе.

В Москве для Доброва была разработана легенда, согласно которой он являлся руководителем некой контрреволюционной группы, решившей создать фашистскую партию в России и нуждавшейся в финансовой поддержке Берлина. Поездка на курорт проходила через Берлин.

В германской столице Добров связался со своим еще дореволюционным знакомым из фирмы «И.Г. Фарбениндустри». Несколько дней он провел в доме у немца, рассказывая ему о жизни в «советском аду». В ходе бесед Добров дал понять своему знакомому, что представляет некую подпольную антисоветскую организацию и хотел бы установить личный контакт с Гитлером, как с руководителем партии, близкой ему по своей направленности.

Через некоторое время Александр Матвеевич вновь приехал в Берлин, уже из Карловых Вар. На сей раз берлинский знакомый Доброва представил его профессиональному немецкому разведчику Гаральду Зиверту. Зиверт был из прибалтийских немцев, служил в абвере и сблизился с нацистами. После прихода к власти Гитлера стал руководителем русского отделения Иностранного отдела нацистской партии. Зиверт был близко знаком с идеологом национал-социализма и основоположником расовой теории нацизма Альфредом Розенбергом, который в годы войны стал министром восточных территорий. Зиверт и Розенберг вместе учились в Риге и состояли в одном студенческом союзе.

Зиверт предложил Доброву поселиться у него на время пребывания в Берлине. В беседах с немецким разведчиком Добров аккуратно сообщил ему о своих антисоветских настроениях, довел до него легенду о существовании в СССР подпольной контрреволюционной организации и подвел собеседника к мысли о необходимости установления прямого контакта с кем-либо из руководящих деятелей нацистской партии.

Интересно, что об этих беседах Доброва с Зивертом советской разведке довольно подробно сообщил источник берлинской резидентуры А/270 (барон фон Поссанер). В своем сообщении он, в частности, указывал: «Примерно 20–25 июня 1931 года к Гаральду Зиверту явился человек в пенсне, некий член ВСНХ. Зиверт говорил мне, что этот господин во что бы то ни стало хочет иметь встречу с вождем национал-социалистической партии Германии Адольфом Гитлером. По соображениям конспирации он не назвал мне его фамилию. На ужине у Зиверта (у которого русский остановился без регистрации в полиции) я познакомился с ним лично. Он извинился, что не может назвать мне свою фамилию, однако Гитлеру он удостоверит свою личность (я поставил ему такое условие, в противном случае отказывался организовать встречу).

После этого я узнал, что он является руководителем одной из контрреволюционных организаций в Советском Союзе, верхушка которой находится на советской службе. Сам он получил инженерный диплом в Швейцарии, является русским доцентом и членом Совета народного хозяйства. В июне он находился на лечении на чехословацком курорте Карлсбад (Карловы Вары) и свой отпуск использовал для поездки в Берлин, чтобы вступить в контакт с Гитлером. Ему рекомендовали обратиться к Гаральду Зиверту».

Получив столь важные сведения от источника А/270, руководитель берлинской резидентуры «Артем» (оперативный псевдоним резидента Бориса Бермана) немедленно проинформировал об этом Центр. Одновременно он направил телеграмму в Прагу резиденту

«Петру» (оперативный псевдоним руководителя пражской резидентуры Станислава Глинского) с просьбой попытаться установить имя «человека в пенсне».

Однако вскоре в Прагу пришла срочная телеграмма из Центра за подписью начальника внешней разведки Артура Артузова, в которой «Петру» предлагалось немедленно прекратить установку «человека в пенсне». Это свидетельствовало о том, что о данной операции даже в Москве знали всего несколько человек. Центр придавал ей исключительно важное значение и не был заинтересован в подключении к ней руководителей своих европейских резидентур.

Тем не менее Гитлер, хотя и согласился на встречу с Добровым в Мюнхене, в последний момент от нее уклонился и поручил встретиться с ним своему соратнику, уроженцу Прибалтики и «отцу» расовой теории Альфреду Розенбергу

Встреча Розенберга с Добровым состоялась в одном из берлинских ресторанов напротив вокзала Ангальтербанхоф. В ней принимал участие также и Зиверт. Беседа длилась более двух часов и касалась вопроса создания в Советском Союзе фашистской партии. Розенберг дал собеседнику подробные советы. Высоко оценив результаты беседы с Добровым, Розенберг пообещал его «партии» всяческую помощь и поддержку, но по соображениям безопасности дальнейшие встречи с «русским фюрером» предложил проводить в Риме. Было решено, что связь Доброва с руководством нацистской партии будет осуществляться через Зиверта.

О своей беседе с Добровым Розенберг доложил лично Гитлеру и дал намерениям «русских фашистов» высокую оценку. В свою очередь Добров передал Розенбергу специально подготовленные руководством разведки правдоподобные сведения о положении дел в Советском Союзе и росте рядов своей мифической «партии». Оперативная игра, затеянная чекистами, позволила Москве быть в курсе истинных замыслов Гитлера в отношении нашей страны. Из донесений Лубянки руководству страны следовало, что в случае прихода к власти нацистов военного столкновения с Германией Советскому Союзу не избежать.

Возвратившись в Москву, Добров подробно доложил о своих контактах с немцами Зивертом и Розенбергом руководству Экономического управления ОГПУ. Представила интерес для Центра и программа нацистской партии, которую Добров получил от Розенберга.

Что касается задания Центра по выходу на английскую разведку, то тут Добров использовал проживавшую в Риге свою знакомую русскую актрису Ольгу Танину. Она была двоюродной сестрой английского разведчика Эдуарда Кара, работавшего в Риге, и советская разведка решила воспользоваться данным обстоятельством. Добров направил Ольге Таниной из Берлина письмо, которое начиналось следующими словами: «Наконец-то я вырвался из “советского рая”, дышу гнилым капитализмом». Актриса передала письмо Эдуарду Кару, подчеркнув, что его автор – «инженер, на очень хорошем счету в Союзе и настоящий друг». Английский разведчик немедленно выехал в Берлин для встречи с Добровым.

На встрече Добров так расписал свои антисоветские намерения и «планы вредительства» в СССР, что британский разведчик, в отличие от нацистских бонз, сразу же согласился оказать ему помощь и договорился об условиях связи в Москве через конкретное иностранное посольство.

Удалось Александру Матвеевичу связаться и с одним из представителей русской эмиграции – руководителем террористической организации «Братство русской правды» в Берлине Александром Кольбергом. Договорившись с ним о следующей встрече, Добров подчеркнул, что действует не от себя лично, а представляет группу, ранее связанную с «Промпартией», которая занимается вредительством и саботажем в советской промышленности. Добров попросил Кольберга рассказать о положении в русской антисоветской эмиграции и снабжать его группу антисоветской литературой. Кольберг с восторгом воспринял

слова Доброва и договорился с ним об условиях дальнейшей связи и способах переправки в СССР подрывной литературы.

Руководством Иностранного отдела и Экономического управления ОГПУ придавалось большое значение работе Доброва. Однако архивы внешней разведки не сохранили сведений о том, как продолжалась многоходовая операция по внедрению Доброва в окружение Гитлера. Очевидно, эта задача не была решена, поскольку Гитлер на прямые контакты с представителями «низшей расы» не шел. Стоит вспомнить, что в годы войны он так и не встретился с «фюрером» так называемой Русской освободительной армии генералом Власовым.

Что же касается Александра Матвеевича Доброва, то до мая 1939 года он занимал пост управляющего трестом «Бюробин» – Бюро НКВД СССР по обслуживанию иностранных представительств. 17 мая того же года он был арестован по обвинению в шпионской деятельности в пользу германской и английской разведок. На закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 19 июня 1940 года Добров виновным себя не признал, заявив, что выполнял задания советской внешней разведки. К сожалению, в центральном аппарате разведки к тому времени не было никого, кто мог бы подтвердить слова Доброва: Артузов, резидент в Берлине «Артем» и руководитель Экономического управления были давно расстреляны. Такая же участь ждала и Александра Матвеевича. Он был приговорен к высшей мере наказания и на другой же день расстрелян. Только 21 января 1958 года этот приговор в отношении Доброва был отменен за отсутствием состава преступления.

Нейтрализация генерала Кутепова

Октябрьская революция 1917 года расколола Россию на два враждующих лагеря. Большевики были вынуждены вести непримиримую борьбу с многочисленными врагами нового государства.

После окончания Гражданской войны в России у советской власти не осталось серьезных противников внутри страны. В то же время за границей действовало немало эмигрантских организаций, ставивших своей целью свержение большевистского режима. Лидеры потерпевшего поражение в Гражданской войне Белого движения, оказавшись за рубежом в результате эмиграции, пытались продолжать борьбу с Советами всеми доступными им способами и средствами. В этом их поддерживали и буржуазные правительства ряда иностранных государств.

В 20-х годах прошлого столетия число эмигрантов-выходцев из России составляло в Европе и Китае более одного миллиона человек. Безусловно, белая эмиграция не была однородной. Часть людей, бежавших за границу из-за страха перед советской властью, не собирались с этой властью бороться. Другие эмигранты, активно сражавшиеся против большевиков на полях Гражданской войны, объединялись за границей в организации, главной целью которых было свержение советской власти в России. Среди последних следует, в частности, отметить Народно-трудовой союз (НТС), Организацию украинских националистов (ОУН), объединение грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жорданией. Однако самой активной и агрессивной организацией белоэмигрантов того времени являлся Русский общевоинский союз (РОВС), созданный генералом Петром Врангелем из офицеров разгромленной Добровольческой армии.

Генерал А.П. Кутепов

Предыстория создания РОВС такова: после эвакуации остатков войск генерала Врангеля из Крыма и их обустройства в Сербии и Болгарии Русская армия как самостоятельная сила перестала существовать. В этой связи Врангель, проживавший в сербском городе Сремска-Карловица, 1 сентября 1924 года издал приказ № 35, согласно которому армия преобразовывалась в Русский общевоинский союз под его руководством.

Спустя несколько лет Врангель решил поставить во главе РОВС Великого князя Николая Николаевича Романова, оставаясь при нем командующим армией. Однако фактическим организатором РОВС на самом деле являлся начальник штаба генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов. После смерти Врангеля в 1928 году и Николая Николаевича в 1929 году он стал единоличным руководителем всего белогвардейского движения за рубежом.

Александр Кутепов родился 16 сентября 1882 года в Череповце в семье лесничего. После окончания полного курса классической гимназии в Архангельске он поступил в Петербургское юнкерское училище, которое окончил в 1904 году в чине фельдфебеля.

С началом Русско-японской войны Кутепов подал рапорт о направлении в действующую армию, где служил в полковой разведке. За отличия в боях был награжден орденом Святого Владимира с мечами и бантом.

После войны поручик Кутепов являлся командиром учебной роты в лейб-гвардии Преображенском полку. В годы Первой мировой войны командовал ротой и батальоном преображенцев, был трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия. В 1916 году за бои на реке Стоход получил Георгиевское оружие и звание полковника.

После Февральской революции Кутепов стал командиром Преображенского полка, а когда фронт развалился и солдаты разбежались по домам, уехал на Дон и вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова. Командовал ротой 1-го офицерского полка, а затем – Корниловским полком. В январе 1919 года – командир 1-го армейского корпуса. За победу над частями Красной Армии под Харьковом был произведен в генерал-лейтенанты.

Оказавшись в эмиграции, Кутепов продолжил вооруженную борьбу против большевиков. В начале 1924 года он возглавил Боевую организацию РОВС, засылавшую террористов и диверсантов на территорию Советского Союза. В мае 1927 года боевики Кутепова попытались взорвать дом в Москве, в котором проживали сотрудники ОГПУ, в июне 1927 года был организован взрыв Дома политпросвещения в Ленинграде, в июле 1928 года была брошена бомба в бюро пропусков ОГПУ в Москве.

В конце 1929 года Кутепов перенес штаб-квартиру РОВС, объединявшего в своих рядах около 100 тысяч бывших белых офицеров, в Париж.

Среди руководителей этой организации Кутепов являлся активным сторонником террористической деятельности. И неудивительно, что под его началом террор и диверсии стали главным оружием РОВС в борьбе против Советского государства.

В Париже, а также в Праге, Софии, Берлине и Варшаве, где имелись филиалы Русского общевоинского союза, готовились боевые группы для заброски на советскую территорию с целью проведения терактов и организации вооруженных выступлений населения. Эта работа проводилась в тесном контакте со спецслужбами Франции, Польши, Румынии и Финляндии.

Члены РОВС налаживали связи с контрреволюционным подпольем в России, чтобы получить возможность для свержения власти большевиков. В секретной инструкции для боевиков, разработанной Кутеповым, подчеркивалось: «План общей работы представляется в следующем виде – террор против... советских чиновников, а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

Известный публицист и историк С. Вычужанин по этому поводу, в частности, пишет: «В конце 1929 года генералом Кутеповым было решено активизировать диверсионно-террористическую работу против СССР. Стали готовиться группы офицеров-боевиков, в планы которых входило привлечение к работе абсолютно проверенного бактериолога с целью оборудования своей лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, тиф, сибирская язва). Культуры бактерий на территорию СССР предполагалось доставлять в упаковках от духов, одеколона, эссенций, ликеров и др.

Целями терактов должны были служить все областные комитеты ВКП(б), губернские комитеты ВКП(б), партийные школы, войска и органы ОГПУ (у боевиков в наличии был список подобных 75 учреждений в Москве и Ленинграде с точным указанием адресов)».

С целью снижения диверсионной активности РОВС, руководство ИНО ОГПУ приняло решение организовать с ним оперативные игры от имени легендарной организации. Одна из таких – «Северо-Кавказская военная организация» (СКВО) была успешно подставлена представителям РОВС в Румынии генералам Штейфону и Геруа. Данное оперативное мероприятие позволило вскрыть каналы переброски в Советскую Россию боевиков, выявить их связи с подпольными организациями на Северном Кавказе, Кубани и в Донской области. Чекистам также удалось вывести за границу и внедрить свою агентуру в филиалы РОВС в Румынии, Югославии и Болгарии.

Одновременно проводилась оперативная игра непосредственно со штаб-квартирой РОВС от имени так называемой «Внутренней русской национальной организации» (ВРИО), созданной ОГПУ с привлечением в нее бывших царских офицеров.

На первом этапе ВРИО наладила контакты с редактором журнала «Борьба за Россию» С.П. Мельгуновым, который поддерживал тесные связи с начальником канцелярии генерала Кутепова князем Сергеем Трубецким.

Затем в Париж бы направлен в качестве представителя ВРИО агент ОГПУ, бывший полковник царской армии А.Н. Попов. Он встретился с Мельгуновым, проинформировал его о положении в России, целях и задачах ВРИО и попросил организовать встречу с председателем РОВС генералом Кутеповым. Последний согласился встретиться с Поповым. Такая встреча состоялась в начале января 1930 года в Берлине, куда Попов специально прибыл из Москвы.

Естественно, Москва постоянно учитывала потенциальную опасность, исходившую со стороны террористических организаций белой эмиграции и в первую очередь – со стороны РОВС, стратегической целью руководства которого, как мы отмечали выше, являлось вооруженное выступление против советской власти. В этой связи основное внимание советской внешней разведки и ее резидентур отводилось работе по РОВС: изучению его деятельности, выявлению планов, установлению филиалов и агентуры на советской территории, разложению его изнутри и возможному влиянию на принятие решений руководством с помощью внедренной агентуры, срыву готовящихся диверсионно-террористических мероприятий.

Так, в Положении о закордонном отделении Иностранного отдела ГПУ, утвержденном 28 июня 1922 года, указывались следующие первоочередные задачи советской внешней разведки в порядке их приоритетности:

- выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против нашей страны;
- установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;
- освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении;
- добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;
- контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

Как видно из приведенного выше документа, работе по проникновению в зарубежные контрреволюционные организации, которые проводили подрывную деятельность против Советского государства, отводилось в то время первостепенное место.

Кроме того, в Москве учитывали, что в случае новой войны в Европе под знаменами противников СССР могут выступить и полки бывшей Добровольческой армии, структура которой сохранилась и в эмиграции. Белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности РККА.

Сложившиеся обстоятельства, связанные с активизацией антисоветской деятельности РОВС, поставили перед руководством ОГПУ вопрос о проведении операции по нейтрализации Кутепова.

На основе собранных через надежную агентуру сведений об образе жизни генерала, его привычках, принимаемых им мерах личной безопасности в Москве была разработана операция по его похищению, осуществление которой было поручено Особой группе при председателе ОГПУ и ряду нелегалов, действовавших в то время во Франции. Проведение операции было намечено на воскресенье 26 января 1930 года, так как по полученным разведкой достоверным данным Кутепов в этот день должен был в 11 часов 30 минут утра присутствовать на панихиде по барону Каульбарсу в Галлиполийской церкви на улице Мадемуазель в двадцати минутах ходьбы от его дома.

Накануне, 25 января, Кутепову одним из сотрудников опергруппы была передана записка, в которой ему назначалась важная кратковременная встреча на его маршруте к церкви. При этом учитывалось, что Кутепов на важные встречи, связанные с агентурной и боевой деятельностью РОВС, всегда ходил один. Прождав некоторое время «курьера» на трамвайной остановке на улице Севр, Кутепов продолжил свой путь к церкви.

Сотрудники опергруппы, а также агенты парижской резидентуры ОГПУ, выдававшие себя за французских полицейских, задержали генерала под предлогом проверки документов и предложили проехать в полицейский участок для выяснения личности. Кутепов дал усадить себя в автомобиль, но услышав русскую речь, попытался оказать сопротивление. Его усыпили хлороформом. Однако больное сердце генерала не выдержало последствий наркоза, и он умер от сердечного приступа.

Предпринятые французской полицией и лично начальником контрразведки РОВС полковником Зайцевым меры по розыску Кутепова положительных результатов не дали. Находившийся в то время в Париже генерал Штейфон, посетивший в день пропажи генерала Кутепова его семью, писал 27 января генералу Геруа в Бухарест: «Вчера неожиданно при невыясненных обстоятельствах исчез А.П. Кутепов. Он вышел утром в церковь, никуда не предполагая заходить, никому не назначал свидания и условился с женой, что после обеда в час дня они всей семьей отправятся в город».

Спустя несколько дней обнаружился свидетель похищения генерала Кутепова. Это был дворник из клиники, расположенной на улице Удино, по имени Огюст Стеймец. Дворник заявил, что утром 26 января около 11 часов он увидел в окно клиники большой серо-зеленый автомобиль, возле которого стояли двое рослых мужчин в желтых пальто, а неподалеку от них – такси красного цвета. Тут же на углу находился полицейский. Когда Кутепов, приметы которого Стеймец описал точно, поравнялся с серо-зеленым автомобилем, люди в желтых пальто схватили его и втолкнули в автомашину. В нее же сел и полицейский, который спокойно наблюдал за происходящим. Автомобиль на большой скорости уехал в сторону бульвара Инвалидов. Вслед за ним отправилось и красное такси.

Больше генерала Кутепова никто не видел.

Осуществленная ОГПУ операция по нейтрализации Кутепова нанесла тяжелый удар по РОВС. Депрессия, панические настроения, недоверие к руководителям, взаимные подозрения в сотрудничестве с органами госбезопасности СССР были характерны не только для членов Русского общевойскового союза, но и для поддерживавшей его части белой эмиграции на протяжении ряда лет после исчезновения Кутепова.

Следует подчеркнуть, что до середины 1960-х годов причастность советских органов государственной безопасности к похищению генерала Кутепова не афишировалась и даже категорически отрицалась. Лишь в 1965 году газета «Красная звезда» – официальный орган Министерства обороны – рассказала об этой операции. А подробности ее проведения были опубликованы в 1997 году в 3-м томе «Очерков истории российской внешней разведки».

Дискредитация главы Прибалтийского филиала РОВС

В начале 1932 года молодой, но уже опытный сотрудник Иностранного отдела ОГПУ Дмитрий Федичкин был направлен в качестве руководителя «легальной» резидентуры в Таллин под прикрытием должности дипломатического сотрудника полпредства СССР в Эстонии.

Перед отъездом в командировку Федичкина пригласил на беседу начальник внешней разведки Артур Артузов. Он ознакомил будущего резидента с предстоящими задачами. В Таллине обосновался прибалтийский филиал главной организации белогвардейской вооруженной эмиграции – Русского общевоинского союза. Филиалом из Берлина руководил генерал фон Лампе. Осел в эстонской столице и полковник Борис Энгельгардт, который во время Гражданской войны возглавлял контрразведку генерала Юденича, а теперь был фактическим главой эстонского отделения РОВС и попутно трудился на ряд западных спецслужб.

Таллинской резидентуре ставилась задача дискредитировать Энгельгардта в глазах его хозяев. «Видимо, платят они ему не очень щедро, и этот бывший полковник вынужден приторговывать папиросами собственной набивки в ларьке на рынке», – отметил Артузов.

Суть операции заключалась в следующем: Федичкину было поручено осуществить «вербовку в лоб» этого деятеля белогвардейской эмиграции. Он должен был явиться к Энгельгардту на дом и, назвавшись чекистом, предложить ему работать на Советский Союз. Расчет делался на то, что полковник доложит об этом визите «куда надо» и постарается доказать свою «неподкупность». Однако англичане и французы, напуганные чекистскими операциями «Синдикат» и «Трест», не поверят ему и станут подозревать в нечестной игре. «Чем больше

Энгельгардт будет доказывать свою невиновность, тем меньше ему будет веры», – подчеркнул Артузов.

Дмитрий Федичкин

В Эстонию Федичкин отбывал пароходом из Ленинграда. В соответствии с заданием, в этом городе он навестил свояченицу некоего «Карла», от которой должен был передать письмо ее сестре, жившей в эстонской столице и бывшей замужем за этим господином. Письмо должно было облегчить выход разведчика на Энгельгардта. В Таллине Федичкин познакомился с «Карлом», являвшимся заместителем председателя немецкого землячества

в Эстонии, а через некоторое время привлек его к сотрудничеству с советской внешней разведкой.

Через «Карла» Дмитрий начал разработку Энгельгардта. Зная о материальных затруднениях лидера эстонского отделения РОВС, «Карл» предложил ему... сотрудничать с германской разведкой и сообщать все сведения о деятельности этой белоэмигрантской организации, разумеется, за соответствующее материальное вознаграждение. Отныне советская внешняя разведка была в курсе всей повседневной деятельности союза, связанной главным образом с засылкой в СССР через Эстонию шпионов и террористов, и успешно срывала его замыслы. Это не осталось незамеченным в штаб-квартире Русского общевойскового союза в Париже. Доверие руководства организации к Энгельгардту было подорвано.

Развивая разработанную Артузовым операцию по дискредитации полковника, Федичкин зашел в табачный ларек, куда тот поставлял свою продукцию, и приобрел крупную партию папирос. Под предлогом регулярного получения товара Дмитрий выяснил у генерала Шаховского, содержавшего ларек, адрес Энгельгардта и, не теряя времени, направился к нему на дом. Он представился чекистом, прибывшим из Москвы с деловым предложением к полковнику. Федичкин пояснил, что Энгельгардт должен прекратить враждебную деятельность против Советского Союза. На размышления ему отводилось две недели.

О визите советского эмиссара Энгельгардт рассказал «Карлу», через которого наша внешняя разведка отслеживала дальнейшие шаги полковника. Затем о беседе с чекистом он подробно проинформировал руководителя РОВС генерала Евгения Миллера. А дальше все развивалось точно в соответствии с разработанным в Центре планом. Руководство общевойскового союза перестало доверять Энгельгардту, считая его «агентом ОГПУ», и полковник был вынужден отойти от активной антисоветской деятельности. План Артузова был успешно реализован.

«Информация наших дней»

В начале 1930-х годов советская внешняя разведка успешно провела крупную операцию по внедрению техники подслушивания в находившуюся в Париже штаб-квартиру боевой террористической организации белой эмиграции – Русского общевоинского союза (РОВС). В этой операции, ставшей позже известной под кодовым названием «ИНД» («Информация наших дней»), особая роль отводилась активному помощнику парижской резидентуры НКВД «Иванову».

Лишь в конце 1980-х годов советская внешняя разведка открыла некоторые архивные материалы того периода, и широкой общественности стало известно, что оперативный псевдоним «Иванов» (кодовый номер УЖ/1) принадлежал одному из видных представителей русской эмиграции во Франции Сергею Николаевичу Третьякову – замечательному русскому человеку, вынужденному покинуть Родину, но преданно служившему ей до конца своих дней.

С приходом в августе 1931 года к руководству Иностранным отделом (ИНО) ОГПУ Артура Артузова активизировалась деятельность внешней разведки, направленная на борьбу с одним из давних противников советских органов государственной безопасности – Русским общевоинским союзом. Соответствующие указания по данному вопросу были направлены и в парижскую резидентуру. Ведь деятельность РОВС, объединявшего многие тысячи белых офицеров, в отношении СССР была весьма агрессивной. В частности, планировалось проведение террористических актов на территории родного отечества, в том числе с использованием биологического оружия.

Сергей Третьяков

Естественно, РОВС представлял для Москвы гораздо больший интерес, чем «Торгпром». Тем более что на одной из встреч Третьяков сообщил своему куратору: «Ту работу, которую вы приписываете “Торгпрому”, он не ведет. Я допускаю, что кто-то из членов нашего союза участвует во вредительской деятельности, поощряет и финансирует ее, но “Торгпром” в целом, даже его президиум, не в курсе этой работы. Вот почему я ничем здесь

вам помочь в принципе не смогу. В данное время союз не имеет никакого значения, он захирел, денег у него нет».

Парижская резидентура принимает решение переориентировать усилия Третьякова на работу по РОВС.

Сотрудники ИНО в столице Франции обратили внимание на то, что дом № 29 на улице Колизей, где обосновался штаб РОВС, принадлежит... Третьяковым. Главная резиденция общевойскового союза помещалась на первом этаже, а второй и третий занимала семья Третьякова, с которой он в то время не жил. Резидентура предложила Сергею Николаевичу вернуться в семью и переселиться на второй этаж дома. Центр выделил необходимую сумму денег для проведения ремонта жилых помещений. Супруга Третьякова и дети заняли пять комнат третьего этажа, а сам он – две комнаты на втором этаже, находившиеся непосредственно над кабинетами председателя РОВС генерала Миллера и начальника первого отдела генерала Шатилова, а также над канцелярией союза.

Вскоре из Москвы прибыла надежная прослушивающая аппаратура. В помещениях РОВС были установлены микрофоны, именовавшиеся на чекистском сленге «Петьками», а в комнатах Третьякова – аппаратура приема. И с января 1934 года началось постоянное прослушивание разговоров, ведущихся в штабе союза и даже в кабинете его председателя.

В Центр отныне регулярно поступала «Информация наших дней» («ИНД») – так в ИНО ОГПУ окрестили получаемые от Третьякова сведения. Из этой информации, проверяемой и дополняемой другими источниками, разведка смогла воссоздать достаточно точную картину деятельности РОВС.

Находившийся большую часть времени дома Третьяков имел возможность фиксировать всех посетителей штаб-квартиры РОВС, своевременно включать аппаратуру и записывать содержание бесед Миллера со своими помощниками:

«9 января 1936 года. 10.55.

Миллер читает начальнику канцелярии РОВС Кусонскому письмо, написанное им генералу Дидериксу. В письме подчеркивается, что во Франции сознают, что лишь соглашение Франции и Германии может дать мир Западной Европе, и никакие франко-советские пакты не устроят Германию. Миллер далее пишет о польско-германском соглашении, направленном против России, в которое он искренне верит. Он считает также, что Франция никогда не будет воевать с Германией из-за России...»

«24 января 1936 года. 11.15.

Миллер в своем кабинете заслушивает сообщение руководителя информационного отдела РОВС Трубецкого. По сведениям последнего, в Румынии в ближайшее время произойдет изменение ее внешней политики от профранцузской к прогерманской. Румыно-польско-германское соглашение, направленное против СССР, не заторами. В данный момент лишь Титулеску является сторонником франко-румынского сотрудничества, но, по всей вероятности, его скоро уберут. Отношения между большевиками и румынским правительством должны скоро осложниться...»

«4 сентября 1936 года. 16.30.

В беседе с Миллером Трубецкой полностью поддержал позицию Кутепова, направленную на активизацию террористической деятельности РОВС на территории СССР. По мнению Трубецкого, такая боевая работа, которую РОВС проводил в последние годы руководства Кутепова, была своевременна и совершенно необходима...

Соглашаясь с Миллером в том, что в настоящее время в основную задачу активной работы РОВС не входит индивидуальный террор, хотя бы по той простой причине, что средства союза истощились, Трубецкой тем не менее напомнил Миллеру, что за последние четыре года РОВС посылал своих людей в Россию с исключительной целью проведения террористических актов. Он подчеркнул, что генерал Абрамов (начальник 3-го отдела РОВС. –

Авт.) и капитан Фосс (помощник Абрамова по террористической работе. – *Авт.*) неоднократно направляли своих людей в СССР с единственной целью убийства...»

Это лишь три выдержки из десятков тысяч страниц сообщений Третьякова, объединенных в несколько томов под кодовым названием «ИНД».

Третьяков работал и днем и ночью. Благодаря этому разведка была в курсе почти всех деловых и личных встреч Миллера с другими руководителями организации, их планов по организации работы, замыслов и даже настроений отдельных белоэмигрантских лидеров.

В 1934 году парижский резидент сообщал в Центр: «“Иванов” исполняет добросовестно необычайно трудную работу, ибо несомненно, что производство “ИНД” – вредное производство: слух, внимание, нервы напряжены 8–9 часов в сутки...»

За добросовестную работу я наградил “Иванова” суммой в две тысячи франков. Он работает удивительно хорошо и внимательно, не за страх, а за совесть...»

Третьяков успешно сотрудничал с советской разведкой вплоть до оккупации гитлеровцами Франции. Он действительно работал честно, и его материалы представляли большой оперативный интерес. В конце 1939 года штаб РОВСа передислоцировался в Брюссель. Буквально накануне оккупации Франции войсками гитлеровской Германией связь с Третьяковым была временно законсервирована. Однако это не спасло его от разоблачения. 14 июня 1942 года Третьяков был схвачен немцами. Во время обыска в его квартире гестаповцы обнаружили приемное устройство и провода, протянутые в штаб-квартиру РОВСа, а в помещении штаба – микрофоны.

В августе 1942 года фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» опубликовали корреспонденции, в которых говорилось об аресте в Париже бывшего министра Временного правительства России Сергея Третьякова как советского агента, участвовавшего в похищении чекистами генералов Кутепова и Миллера и в укрывании одного из организаторов захвата последнего – генерала Скоблина. Газеты утверждали, что Третьяков являлся одним из резидентов НКВД во Франции и что с его помощью большевикам удалось обезвредить более тридцати диверсантов-белогвардейцев, переброшенных в СССР.

Третьякова перевезли в Германию. Там 16 июня 1944 года он был расстрелян в концлагере в Ораниенбурге. Немецкая пресса опубликовала официальное сообщение о его казни.

Так закончил свою жизнь Сергей Николаевич Третьяков – один из активных помощников советской внешней разведки, внесший неопределимый вклад в пресечение террористической деятельности РОВСа и в дезорганизацию его работы.

В относящихся к тому периоду документах Службы внешней разведки России отмечается, что «накануне Великой Отечественной войны РОВС практически сошел со сцены». А спецслужбы Третьего рейха отказались его использовать в своей подрывной работе против СССР, заподозрив в нем, как тогда говорили, «мистификацию чекистов». Немалая заслуга в этом принадлежала и разведчику «Иванову» – Сергею Николаевичу Третьякову.

Нейтрализация генерала Миллера

Преемником Кутепова на посту председателя РОВС стал генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, кадровый военный, окончивший в 1892 году академию Генерального штаба. С 1898 по 1907 год он находился на военно-дипломатической работе в Бельгии, Голландии и Италии. Участник Первой мировой войны. С первых дней войны возглавил штаб 5-й армии. В 1915 году был произведен в генерал-лейтенанты. В январе 1917 года назначен командиром 26-го армейского корпуса.

В августе 1917 года Миллер был направлен в Италию представителем Ставки Верховного главнокомандующего при итальянском Главном командовании. Здесь его и застала Октябрьская революция. Активный участник Гражданской войны в России. В январе 1919 года прибыл в оккупированный англичанами Архангельск и был назначен главнокомандующим войсками контрреволюционного «правительства Северной области» эсера Чайковского. В феврале 1920 года его части были разбиты, а их остатки отправились в изгнание.

После эвакуации английских войск из Архангельска Миллер уехал в Финляндию, откуда перебрался в Париж, где сначала состоял при штабе Врангеля, а затем находился в распоряжении великого князя Николая Николаевича. В 1929 году был назначен заместителем председателя РОВС.

Будучи заместителем Кутепова, Миллер не был допущен к боевой работе РОВС и не был информирован об этой стороне секретной деятельности организации. Поэтому вступив в должность ее председателя, генерал сразу же отправился с инспекционной поездкой в Югославию, Чехословакию и Болгарию, чтобы на месте разобраться с практической деятельностью РОВС и оживить разведывательную работу. Это обуславливалось и тем, что многие генералы и старшие офицеры РОВС считали Миллера кабинетным работником, не способным к решительной борьбе с советской властью. Однако по мере вхождения в дела организации Миллер, назвав мелкими булавочными уколами различного рода «бессистемные покушения, нападения на советские учреждения и поджоги складов», поставил перед РОВС стратегическую задачу – организацию и подготовку крупных выступлений против СССР всех подчиненных ему сил. Не отрицая важность проведения террористических актов, он обращал особое внимание на подготовку кадров для развертывания партизанской войны в тылу Красной Армии в случае войны с СССР. С этой целью он создал в Париже и Белграде курсы по переподготовке офицеров РОВС и обучению военно-диверсионному делу новых членов организации из числа эмигрантской молодежи.

Генерал Е.К. Миллер

Следует подчеркнуть, что планы и практические шаги по их реализации генерала Миллера и его сподвижников своевременно становились достоянием советской разведки. Благодаря полученным через агентуру данным в 1931–1934 годах удалось обезвредить семнадцать террористов РОВС, заброшенных на территорию СССР, и вскрыть одиннадцать их явочных пунктов. Большой вклад в эту работу внесли разведчик-нелегал Леонид Линецкий, а также сотрудники парижской и берлинской резидентур ИНО ОГПУ. Им, в частности, удалось предотвратить готовившиеся РОВС террористические акты против наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова в Европе и его заместителя Л.М. Карахана в Иране.

Как мы отмечали выше, в начале тридцатых годов советская разведка установила технику слухового контроля в штаб-квартире РОВС в Париже.

Исключительно важная информация по РОВС поступала в парижскую резидентуру и от ближайшего соратника Миллера, отвечавшего за разведывательную работу, генерала Николая Скоблина, сотрудничавшего вместе с женой – известной русской певицей Н.В. Плевацкой – с советской разведкой с 1930 года. По оценке ИНО ОГПУ, Скоблин являлся одним из лучших источников, который «довольно четко информировал Центр о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поездках Миллера в другие страны». Гастроли его жены Плевацкой давали возможность Скоблину осуществлять инспекторские проверки периферийных подразделений РОВС и обеспечивать советскую разведку оперативно значимой информацией. В конечном счете Скоблин стал одним из ближайших помощников Миллера по линии разведки и его поверенным в делах центральной организации РОВС. В конечном счете это обстоятельство было использовано, когда встал вопрос о проведении острой операции по Миллеру после получения данных о том, что он через своего представителя в Берлине генерала Лампе установил тесные контакты с фашистским режимом в Германии. «РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, – заявлял генерал. – Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

22 сентября 1937 года по приглашению Скоблина Миллер направился с ним на виллу в Сен-Клу под Парижем, где должна была состояться организованная Скоблиным встреча

руководителя РОВС с немецкими представителями. На вилле Миллера ожидала оперативная группа чекистов, которая захватила его и через Гавр переправила на теплоходе в СССР.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно. Однако перед тем, как пойти на встречу, организованную Скоблиным, генерал Миллер оставил генералу Кусонскому конверт с запиской и попросил вскрыть его, если с ним что-нибудь случится. Как только окружению Миллера стало ясно, что он пропал, Кусонский вскрыл конверт с запиской следующего содержания: «У меня сегодня в 12 час. 30 мин. дня встреча с генералом Скоблиным на углу улицы Жасмен и Раффе, и он должен возить меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в прибалтийских странах – полковником Штротманом и с господином Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку. Генерал Е. Миллер. 22 сентября 1937 г.».

Кусонский немедленно предпринял собственное расследование. Опасаясь разоблачения и ареста, Скоблин вынужден был скрыться. Принятые полицией меры по его розыску результата не дали. Генерал был нелегально переправлен парижской резидентурой на специально зафрахтованном самолете в Испанию. По имеющимся сведениям, он погиб в Барселоне при бомбежке франкистской авиации. Плевицкая была арестована как соучастница и осуждена парижским судом к 20 годам каторжных работ. 5 октября 1940 года она скончалась в Центральной тюрьме города Ренн.

Сергей Третьяков продолжал сотрудничать с советской разведкой до оккупации гитлеровской Германией Франции. В августе 1942 года фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» опубликовали сообщение о том, что Третьяков был арестован гестапо. В 1944 году его казнили как резидента советской разведки в Париже.

Сегодня в российской прессе можно встретить всякие суждения относительно чекистской операции по нейтрализации Миллера. Кое-кто пытается представить генерала, прославившегося кровавыми злодеяниями на территории России, «невинной жертвой» НКВД.

А вот что писал во французской газете «Информасьон» за 24 апреля 1920 года о деятельности генерала Миллера на севере ее корреспондент в Архангельске, близкий друг Керенского эсер Борис Соколов: «Я был свидетелем последнего периода существования правительства Северной области, а также его падения и бегства генерала Миллера со своим штабом. Я мог наблюдать разные русские правительства, но никогда раньше не видел таких чудовищных и неслыханных деяний. Поскольку правительство Миллера опиралось исключительно на правые элементы, оно постоянно прибегало к жестокостям и систематическому террору, чтобы удержаться наверху. Смертные казни производились сотнями, часто без всякого судопроизводства.

Миллер основал каторжную тюрьму на Иокангском (Кольском) полуострове на Белом море. Я посетил эту тюрьму и могу удостоверить, что таких ужасов не было видно даже в царское время. В бараках на несколько сотен человек размещалось свыше тысячи заключенных. По приказанию Миллера начальник тюрьмы Судаков жестоко порол арестованных, отказывавшихся идти на каторжные работы. Ежедневно умирали десятки людей, которых кидали в общую могилу и кое-как засыпали землей.

В середине февраля 1920 года, за несколько дней до своего бегства, генерал Миллер посетил фронт и заявил офицерам, что не оставит их. Он дал слово офицера позаботиться об их семьях. Но это не помешало ему закончить приготовления к бегству. 18 февраля он отдал приказ об эвакуации Архангельска 19 февраля к двум часам дня. Сам он и его штаб в ночь на 19 февраля тайно разместились на яхте «Ярославна» и ледоколе «Козьма Минин». Генерал Миллер захватил с собой всю государственную казну, около 400 000 фунтов стерлингов (10 миллионов рублей золотом), которые принадлежали Северной области.

Утром 19 февраля население узнало об измене и бегстве генерала Миллера. Много народу собралось возле места якорной стоянки “Козьмы Минина”, в том числе солдаты и офицеры, которых Миллер обманул. Началась перестрелка. С кораблей стреляли из орудий. Было много убитых.

Вскоре “Козьма Минин” ушел из Архангельска...»

Вот такой портрет генерала Миллера нарисовал эсер Борис Соколов, далекий от симпатий к большевикам. К этому можно добавить, что по законам Российской империи присвоение казенных денег считалось тягчайшим преступлением.

Похищение Миллера и тайная переправка его в Москву связывались в первую очередь с организацией широкомасштабного судебного процесса над ним. Этот процесс призван был разоблачить связи белогвардейцев с нацистами. Миллер был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался как заключенный № 110 под именем

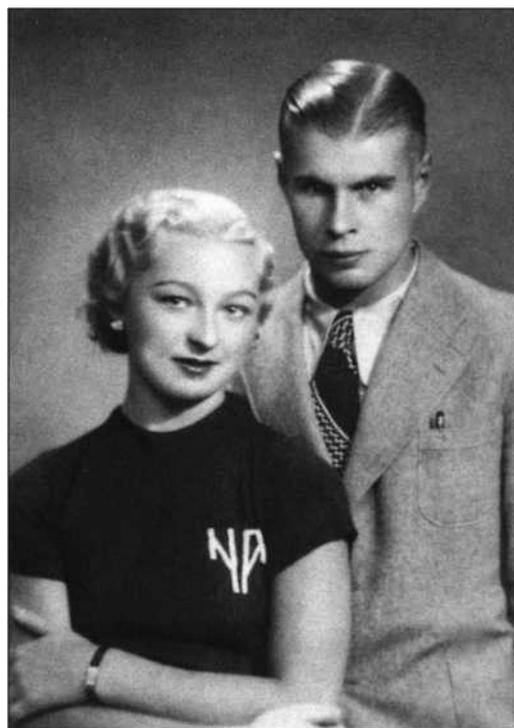
Иванова Петра Васильевича до мая 1939 года. Однако к тому времени уже явственно чувствовалось приближение новой мировой войны. К маю 1939 года Германия не только совершила аншлюс Австрии, Судетской области, но и полностью оккупировала Чехословакию, несмотря на гарантии ее безопасности со стороны Англии и Франции. Разведка НКВД располагала информацией о том, что следующей целью Гитлера будет Польша.

11 мая 1939 года нарком внутренних дел Берия подписал распоряжение о расстреле экс-председателя РОВС, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. В 23 часа 05 минут того же дня приговор был приведен в исполнение.

После похищения Миллера руководителем РОВС стал генерал Абрамов, которого через год сменил генерал Шатилов. Никому из них не удалось сохранить РОВС как дееспособную и активную организацию, ее авторитет в белой среде. Операция советской разведки, связанная с похищением Миллера, способствовала полному развалу РОВС. И хотя окончательно РОВС как организация прекратил свое существование с началом Второй мировой войны, советская разведка, дезорганизовав и разложив РОВС, лишила гитлеровскую Германию и ее союзников возможности активно использовать в войне против СССР около двадцати тысяч членов этой организации.

Сын против отца

Один из активных филиалов белогвардейского Русского общевоинского союза – балканский – располагался в Софии. Только на территории Болгарии проживало тогда более 30 тысяч белоэмигрантов, а всего в балканских странах их насчитывалось около 100 тысяч. Большинство из бывших белых офицеров принимало непосредственное участие в деятельности балканского филиала, или как его официально называли – 3-го отдела РОВС. Проникнуть в балканский филиал РОВС – такое задание было поставлено руководством ОГПУ перед советской внешней разведкой. Реализация данной операции была поручена молодому чекисту Николаю Абрамову.

Николай Абрамов с женой Натальей. София, 1934 год

Николай Абрамов родился в 1909 году в Варшаве в семье полковника русской армии Федора Федоровича Абрамова. Его отец был участником Русско-японской и Первой мировой войн и впоследствии дослужился до звания генерала. В Гражданскую войну сражался против красных в рядах Вооруженных сил Юга России, командовал одним из донских казачьих корпусов, разгромленных в 1919 году конницей Буденного. После окончательного поражения белых, перед тем как покинуть Россию, Федор Абрамов тайно приехал проститься с семьей в Ржев, где в то время проживали его близкие: мать, жена и сын.

Два года с остатками своего корпуса генерал Абрамов скитался по Турции, а затем перебрался в Болгарию и осел в Софии. Там Его превосходительство генерал-лейтенант Абрамов через некоторое время возглавил 3-й (балканский) отдел Русского общевоинского союза и одновременно стал одним из заместителей его руководителя.

Вскоре скончалась жена генерала, и Абрамов решил вывезти своего двенадцатилетнего сына Николая из Советской России. Однако бабушка, с которой Николай в то время жил, наотрез отказалась отпускать внука в чужую страну. Да и сам Николай не захотел расставаться с Россией.

После окончания в 1926 году средней школы Абрамов-младший работал в Осоавиахиме в городе Новороссийске. В 1929 году он был призван на военную службу и направлен на Черноморский флот. Полного сил и здоровья юношу, вдобавок хорошего спортсмена, зачислили в водолазную школу в Балаклаве. Окончив ее, он получил назначение водолазом в Экспедицию подводных работ особого назначения (ЭПРОН) при ОГПУ на Черном море. Принимал непосредственное участие в поисках и подъеме потопленных во время Гражданской войны кораблей и судов. Однажды в ходе одной из таких операций при расчленении корпуса затонувшего крейсера Николай был серьезно контужен взрывной волной. С профессией водолаза пришлось расстаться. В период службы в ЭПРОН сын белогвардейского генерала вступил в комсомол.

К 1930 году перед Иностранным отделом ОГПУ со всей остротой встала задача по непосредственному проникновению в РОВ С, причем в одно из его штабных подразделений. Ведь именно там находились сведения о действующей в СССР агентуре, а также о формах и методах ее подготовки и вывода в Советский Союз. Одним из таким подразделений безусловно являлся расположенный в Софии 3-й (балканский) отдел РОВ С.

Далеко не каждый сотрудник внешней разведки подходил для решения этих задач. Руководство Иностранного отдела ОГПУ вело активный поиск и изучение лиц, которые в силу сложившихся обстоятельств смогли бы проникнуть в центральные органы РОВ С. Выбор пал на Николая Абрамова – сына руководителя софийского филиала организации.

Видный советский разведчик Дмитрий Федичкин, принимавший в то время непосредственное участие в подготовке Абрамова к выводу за границу, позднее вспоминал: «Руководство ОГПУ решило направить Николая в Болгарию. Он был предан Советской власти, мужествен, инициативен. Его появление в Софии не должно было вызвать подозрений. Вполне резонно, что после смерти матери и бабушки, став самостоятельным, Николай пожелал воссоединиться со своим отцом.

Но тут возникла очень серьезная нравственная проблема: сын против отца. Можно привести множество примеров, когда дети не разделяют взглядов своих отцов, поступают вопреки их воле. Но тут было совершенно другое: чтобы обезвредить антисоветские действия РОВ С, Николай должен был скрывать от отца свое истинное лицо. По этому поводу у нас, причастных к этой операции, шли бурные дебаты. Одни говорили, что неэтично, безнравственно побуждать сына скрытно действовать против родного отца. Другие стояли на совершенно противоположной позиции: ничего безнравственного тут нет! Сын защищает свое отечество от происков врага, сбежавшего за кордон. И совсем неважно, что врагом этим оказался родной отец.

– Успокойтесь, товарищи, – сказал заместитель начальника разведки Артур Артузов. – Надо прежде всего выяснить, что думает по этому поводу сам Николай Абрамов. Я поеду к нему.

И Артузов поехал в Севастополь, где в то время проживал Николай. Молодой человек с вполне понятным волнением слушал представителя внешней разведки. Артузов рассказал ему о совершенных в недавнем прошлом боевиками РОВ С террористических акциях в Москве и Ленинграде, в результате которых погибло много людей. Как показало расследование, боевики проходили подготовку в балканском филиале РОВ С, которым руководил отец Николая – генерал Абрамов.

– Я вас не тороплю, подумайте хорошенько, – подчеркнул Артузов. – Только вы можете решить, хватит ли у вас мужества и выдержки, чтобы, живя в одном городе, в одном доме с отцом, действовать против его воли, замыслов, планов. Мы неволить не станем и никаких претензий к вам иметь не будем. Но если согласитесь, буду рад видеть вас в Москве.

...Через несколько дней Николай выехал в Москву. Артузов вновь встретился с молодым человеком и имел с ним еще один большой разговор».

В 1930 году Николай Абрамов стал сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. Он прошел соответствующую разведывательную подготовку с учетом будущей заброски в Болгарию и получил оперативный псевдоним «Ворон».

Николая направляли в Софию с очень серьезным заданием. Ему предстояло проникнуть в РОВС, вскрыть его антисоветские планы, парализовать и предотвратить, насколько возможно, его практическую подрывную деятельность. Он не скрывал перед своими кураторами из Центра, что не хотел бы бороться лично против отца, как человека, а намерен попытаться повлиять на него, чтобы тот снизил свою антисоветскую активность.

В октябре 1931 года Николай Абрамов был выведен за кордон. Он был устроен матросом на советское судно дальнего плавания «Герцен». Совершавший регулярные рейсы в Гамбург пароход был приписан к Ленинградскому порту, где Николая никто не знал. Во время первого же своего заграничного плавания Абрамов сошел на берег в Гамбурге и на борт «Герцена» уже не вернулся. Из Гамбурга он через Берлин добрался до Софии.

Вскоре Николай был тепло встречен отцом и его ближайшим окружением. Он объяснил им, почему бежал из Советского Союза: оставаться там сыну белого генерала, одного из руководителей антисоветской организации, было опасно.

С первых дней пребывания в Софии 22-летний разведчик приступил к выполнению задания Центра. При помощи отца и его сподвижников он быстро внедрился в белоэмигрантские круги. Николай тщательно изучал балканский филиал РОВС и его боевую группу, возглавляемую капитаном Фоссом. Систематически в Москву поступали копии документов, проходивших через капитана Фосса и генерала Абрамова. Позже Абрамов-младший принимал непосредственное участие в компрометации активного антисоветчика журналиста Ивана Солоневича.

Начав разведывательную работу в одиночку, Николай в дальнейшем создал работоспособную группу, которая полностью контролировала деятельность основных белоэмигрантских организаций в Болгарии.

Существенную помощь разведчику оказывали, в частности, его жена Наталья, русская эмигрантка, вышедшая за него замуж в 1933 году, и ее мать Александра Семеновна – врач-стоматолог. Как врач, Александра Семеновна общалась со многими руководящими сотрудниками софийского филиала РОВС и из их рассказов узнавала многое о делах и планах организации. Квартиру стоматолога советская разведка начала использовать в качестве явки. Время от времени в ней появлялись приезжавшие в Софию из стран Западной Европы связные. Через них передавались в Центр важные сведения.

Заняв постепенно довольно заметное положение в балканском филиале РОВС, Абрамов-младший получил доступ к весьма ценной информации о деятельности всей организации. С 1935 года, после установления дипломатических отношений между Болгарией и СССР, связь разведчика с Центром стала регулярной. Постоянный контакт с ним поддерживал руководитель «легальной» резидентуры НКВД в Софии.

Искусно маневрируя, разведчик сумел войти в доверие не только к контрразведчикам из РОВС, но и к представителям болгарской политической полиции. Начальник контрразведки РОВС, являвшийся одновременно начальником отделения болгарской политической полиции, выходец из старой русской эмиграции капитан Браунер стал обращаться к Николаю за консультациями по «советским вопросам». Браунер имел непосредственное отношение к подготовке и заброске в СССР террористов и диверсантов, и советы бывшего советского гражданина были, как он считал, весьма полезны для боевиков. Время от времени Абрамов-младший давал им такие консультации непосредственно перед отправкой на задание. Его авторитет был настолько высок, что в Софию стали направлять на окончательную «шлифовку» боевиков из других филиалов РОВС – из Парижа и Хельсинки. Естественно, данные на этих людей Центр получал без промедления.

Среди белой эмиграции в Болгарии особую активность проявляла молодежь. Наиболее агрессивно настроенные молодые люди, входившие в организацию «Национально-трудовой союз нового поколения», приняли решение совершить в Болгарии террористические акты против советских дипломатов. Их идею поддержали и некоторые местные реакционеры, в частности, уже упоминавшийся капитан Браунер. Группа, в которую входили шесть человек, в том числе Абрамов-младший и капитан Фосс, должна была убить советского посла в Болгарии Раскольниковца.

Николай не только немедленно проинформировал Центр о предстоящем покушении, но добыл и передал фотокопию детального плана этой операции. МИД СССР было дано указание немедленно заявить официальный протест Болгарии в связи с готовящимся преступлением.

Провокация боевиков была сорвана, однако Николай попал под подозрение. Хотя против него и не имелось прямых улик, но остальные участники неудавшегося террористического акта были столь яркими врагами СССР, что заподозрить их в симпатиях к большевикам и тем более в связях с советской разведкой было невозможно.

Шло время. Разведчик продолжал снабжать Центр исключительно важной информацией. Неудача с покушением на советского посла, казалось, уже забыта. Но через полтора года после этого у Николая состоялся серьезный разговор с отцом, который высказал предположения о его сотрудничестве с большевиками. «Оскорбившись», сын перестал посещать РОВС и встречаться с членами этой организации. Одновременно выяснилось, что все это время капитан Браунер настойчиво пытался найти причины срыва операции. И его усилия не пропали даром. В середине 1937 года руководство софийского отделения РОВС пришло к выводу о возможной связи Абрамова-младшего с советской разведкой и начало его активную разработку.

Жизнь разведчиков в Софии все более усложнялась, и тогда он по согласованию с Центром решил покинуть Болгарию. Это устраивало всех: и семью Николая, и отца-генерала, и Браунера, и болгарскую политическую полицию. Однако внезапно из Парижа пришла весть о таинственном исчезновении руководителя РОВС генерала Миллера. Николай был арестован по подозрению в причастности к похищению генерала.

Браунер допрашивал Николая с пристрастием – избивал чулком, наполненным мокрым песком. Разведчик выдержал все пытки. Через неделю его выпустили из тюрьмы и предложили покинуть Болгарию. В газетах было сообщено, что «Николай Абрамов с женой высылаются из страны». Браунер выделил для сопровождения супругов двух агентов тайной полиции, которые получили приказ: уничтожить советского разведчика при переходе границы. Об этом стало известно резидентуре. Было решено подкупить сопровождающих. Это удалось, и супруги

благополучно прибыли в столицу Франции. В Париже Абрамовым были вручены новые документы, и они выехали в Советский Союз. Возвратившись на Родину, Николай Федорович Абрамов и его супруга Наталья Афанасьевна продолжили работать в органах НКВД.

...С первых дней Великой Отечественной войны Николай Абрамов неоднократно обращался к руководству НКВД с просьбой направить его на фронт. Абрамову предложили выехать в составе разведывательно-диверсионной группы чекистов на подпольную оперативную работу в оккупированную немецко-румынскими войсками Одессу в распоряжение уже находившегося там сотрудника центрального аппарата НКВД резидента-нелегала Владимира Молодцова (впоследствии удостоенного посмертно звания Героя Советского Союза). Вместе со своими товарищами Николай Абрамов участвовал в диверсионных и других боевых операциях. Последнее письмо от него, адресованное жене и ее матери, было датировано 11 сентября 1941 года. Вскоре в одной из схваток с оккупантами Николай Абрамов погиб.

По морям, по воанам...

Сразу же после Октябрьской революции 1917 года советская власть была вынуждена отражать мощные удары внешних и внутренних врагов, отстаивая право на существование и территориальную целостность молодого государства. Со своей стороны ведущие европейские капиталистические страны предпринимали активные усилия с целью добиться дипломатической и экономической изоляции на международной арене Советской России, сумевшей утвердить свою независимость в условиях иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Наглядно это проявилось в начале 1920-х годов, когда западные страны развернули яростную пропагандистскую кампанию против СССР, грубо искажая его внутреннюю политику, приписывая агрессивный характер его внешней политике, призывая к политической и экономической изоляции Советского Союза на международной арене. Все это наносило заметный ущерб международному престижу СССР, мешало развитию его внешних связей, торгово-экономических отношений. В организации и проведении этой кампании ведущую роль играли спецслужбы западных стран.

Сергей Небольстин

Особенно усердствовали в этом Англия и Франция, которые стремились создать вокруг страны Советов так называемый «санитарный кордон» из стран «малой Антанты».

Угрозы введения экономической блокады Советской России открыто звучали и в ходе работы международной Генуэзской конференции (10 апреля – 19 мая 1922 года, Генуя). Представители 28 капиталистических государств оказывали на советскую делегацию в Генуе постоянное давление с целью добиться от Москвы значительных уступок по основным обсуждавшимся экономическим и финансовым вопросам. Одновременно любые предложения советской стороны, затрагивавшие политические проблемы, наталкивались на глухую стену непонимания и намеренного умолчания.

К чести советской делегации, ей удалось сорвать планы Антанты по дипломатической изоляции нашего государства. 16 апреля 1922 года в Рапалло (пригород Генуи) представители советского правительства подписали с Германией договор об установлении дипломатических и экономических отношений.

Подписанием этого договора Германия разорвала внешнеполитическую изоляцию, в которой она оказалась из-за навязанной ей Антантой версальской системы. Для Советского государства в то же время Рапалльский договор означал первое официальное признание великой державой.

После открытия в Берлине официального советского дипломатического представительства была создана и первая совместная «легальная» резидентура ИНО ГПУ и Разведупра РККА в Германии. Ее возглавил сотрудник военной разведки Артур Сташевский. Но уже в феврале 1923 года его сменил на этом посту опытный работник ИНО ГПУ Бронислав Бортновский.

Берлинская резидентура ИНО становится опорным пунктом активной работы закордонной разведки органов госбезопасности в Европе. С позиций Берлина советские разведчики действуют по нелегальным каналам в сопредельных европейских государствах. В берлинскую резидентуру начинает поступать важная политическая и экономическая информация из Франции, Англии, Италии и ряда других стран, которая в свою очередь немедленно переправляется в Центр. Германия является также страной, из которой в Москву в большом количестве направляются образцы современной техники.

Между тем прорыв политической блокады СССР уверенно продолжался. В середине 1924 года лейбористское правительство Великобритании объявило о признании де-юре Советского Союза. 28 октября того же года о признании СССР и установлении с ним дипломатических отношений заявила Франция. Примеру ведущих европейских государств последовали правительства и ряда других стран. К 1926 году Советский Союз вступил в нормальные политические и экономические отношения с 13 государствами. Советские полпредства (до мая 1941 года дипломатические учреждения СССР за границей назывались полномочными представительствами, возглавляли их, соответственно, полпреды; в мае 1941 года полпредства стали называться, как принято во всем мире, посольствами во главе с послами. – *Авт.*), а следовательно – «легальные» и нелегальные резидентуры, начали действовать на разных континентах земного шара.

Перед руководством внешней разведки возникла серьезная проблема – проблема надежной и бесперебойной связи со своими загранаппаратами. Имевшаяся в распоряжении разведки радиоаппаратура была маломощной. Наши славные дипломатические курьеры надежно перекрывали лишь европейские маршруты. Путь за океан, на Дальний Восток или в Азию был довольно длительным. Отправляемая из стран этих регионов с дипкурьерами информация зачастую запаздывала. Большие проблемы возникали и с перевозкой крупногабаритных грузов.

И все-таки решение было найдено. Для связи с нелегалами и зарубежными аппаратами разведки, находившимися на разных континентах, и для доставки им необходимой аппара-

туры, а от них в Центр – образцов техники – по решению руководства ОГПУ действовавший в Германии разведчик-нелегал Небольстин создал в 1926 году в Гамбурге пароходную компанию.

Из оперативной справки:

Сергей Степанович Небольстин (оперативные псевдонимы «Чайкин» и «Серж») родился в 1894 году в Петербурге.

Выведен внешней разведкой за кордон в ходе эвакуации белых войск из Крыма.

В 1921–1923 годах являлся сотрудником нелегальной резидентуры в Болгарии.

В 1923–1925 годах – на нелегальной работе в Китае.

С середины 1925 года – разведчик-нелегал в Германии. Владелец судоходной компании.

В 1925 году Небольстин зарегистрировал в Гамбурге пароходную компанию. На средства Центра были закуплены две шхуны атлантического класса «Атланта» и «Юпитер» водоизмещением 500 тонн каждая. Экипажи шхун состояли в основном из разведчиков-нелегалов и надежной агентуры. Суда совершали рейсы в Латинскую Америку и в Китай, доставляя грузы в Германию. А оттуда они по различным каналам переправлялись в Советский Союз.

К началу 1930-х годов Советский Союз признало уже более 40 зарубежных государств. По линии Наркомата иностранных дел была отработана надежная связь с советскими дипломатическими представительствами, включая и резидентуры. Надобность в судоходной компании Небольстина отпала. Она успешно выполнила свои задачи и в начале 1932 года была ликвидирована.

В середине 1930-х годов Сергей Степанович Небольстин вернулся в СССР. Занимал должность инструктора советских портов.

К сожалению, в конце 1930-х годов по ложному навету Небольстин был необоснованно репрессирован. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Неожиданно «морская» история, о которой рассказано выше, получила свое продолжение в конце 1950-х годов. А дело было так.

В ноябре 1948 года в США на нелегальную работу прибыл Вильям Фишер (оперативный псевдоним «Марк»). Несколько позже параллельно с ним в Бразилии начала действовать нелегальная пара советских разведчиков супругов Филоненко. Михаилу и Анне Филоненко предстояло обстоятельно обосноваться в Латинской Америке, а затем перебраться в США на помощь Фишеру.

Разведчики очень быстро включились в активную оперативную работу. Михаилу Ивановичу удалось проникнуть в окружение президента Бразилии Жуселино Кубичека де Оливейро, завязать знакомства со многими министрами правительства страны, которых он, будучи коммерсантом, часто приглашал на обеды к себе на виллу.

Филоненко подружился даже с парагвайским диктатором Альфредом Стресснером, наводнившим свою страну бывшими гитлеровцами. Будучи в прошлом офицером германского вермахта и знатоком стрелкового оружия, хозяин Парагвая однажды увидел в стрелковом клубе, как метко стреляет из винтовок и пистолетов элегантный коммерсант, и пришел в неопишуемый восторг. В дальнейшем он неоднократно приглашал Михаила поохотиться вместе на крокодилов. В беседах с советским разведчиком «дядюшка Альфредо» был предельно откровенен. Подобной «чести» достаивались лишь избранные. В результате хорошо налаженной разведывательной работы от нелегалов Филоненко регулярно поступала исключительно важная политическая информация.

Между тем работать становилось все сложнее. В 1957 году в Нью-Йорке был арестован советский разведчик-нелегал Вильям Фишер, назвавшийся при аресте Рудольфом Абелем, параллельно с которым работали супруги Филоненко. Во избежание их расшифровки

и сохранения созданной ими агентурной сети, имевшей выходы на США, Центр принял решение изменить условия связи с разведчиками-нелегалами. Любые контакты с ними через тайники и связных были прекращены. Связь с Центром поддерживалась теперь только по радио. Разведчикам передали новейшую коротковолновую быстродействующую радиостанцию, «выстреливавшую» сообщения в эфир сжатым «пакетом» за несколько секунд. Анне Федоровне пришлось вспомнить свою военную специальность радистки.

В те годы спутниковой связи еще не существовало. А дальность работы радиостанции была ограничена. Сеансы связи не всегда заканчивались успешно. Центр серьезно озабочен был вопросом поддержания надежного контакта с нелегалами.

Читатели старшего поколения должны хорошо помнить шлягер 1950-х годов, в котором молодой китобой голосом Леонида Утесова объяснялся с девушкой: «Махнешь рукой, уйдешь домой, / Выйдешь замуж за Васю-диспетчера. / Мне ж бить китов у кромки льдов, / Рыбьим жиром детей обеспечивать».

Песня постоянно звучала в эфире, советская китобойная флотилия «Слава» успешно перевыполняла производственные планы. А у одного из руководителей разведки, вспомнившего о пароходной компании Небольстина, родилась блестящая идея.

Так в составе советской китобойной флотилии, ведущей промысел в водах Антарктики, под видом китобойного судна появился специальный корабль. Мощный узел связи «китобоя» использовался в качестве усилителя и ретранслятора радиосигналов, поступавших от нелегалов Филоненко. Теперь какая-либо задержка в получении информации Центром была исключена. Это были годы «холодной войны», и информация, передаваемая разведчиками, носила тревожный характер: в Вашингтоне вовсю гремели военные барабаны.

Операция «Сынок»

Париж облюбовали не только главари белогвардейской эмиграции, монархисты и националисты различных мастей, эмигрировавшие из России после Октябрьской революции. «Столицу мира» полюбили также и троцкисты. Здесь размещался международный секретариат создаваемого Львом Троцким IV Интернационала. С 1935 года в Париже проживал также сын Троцкого Лев Седов, возглавлявший этот секретариат.

Вскоре Седов начал издавать «Бюллетень оппозиции», в котором активно печатался его отец. Одновременно он установил надежную связь со сторонниками отца в СССР. Троцкий и Седов явились организаторами так называемого IV (троцкистского) Интернационала, учредительный съезд которого открылся 3 сентября 1938 года под Парижем и на котором присутствовал 21 делегат из 11 стран, что свидетельствовало об определенном влиянии троцкистов на международное коммунистическое движение.

С 1936 года разработкой Седова, проходившего в материалах ОГПУ— НКВД под псевдонимом «Сынок», занималась специальная агентурная группа внешней разведки во главе с разведчиком-нелегалом болгаринном Борисом Афанасьевым, перед которой была поставлена задача по проникновению в руководящее звено троцкистской организации.

Остановимся на некоторых данных из биографии этого замечательного советского разведчика, которая была характерной для многих чекистов – интернационалистов.

Лев Седов и его отец Лев Троцкий

Афанасьев (Атанасов) Борис Манойлович родился 15 июля 1902 года в болгарском городе Лом в многодетной семье писаря. После смерти отца семья испытывала острую нужду, и с 14 лет Борис трудился чернорабочим на кирпичном заводе, а также на виноградных плантациях. Одновременно учился. Окончил среднюю педагогическую школу. В 1918

году Борис вступил в Рабочий молодежный союз – болгарский комсомол, а в феврале 1922 года – в Болгарскую коммунистическую партию. Вел активную комсомольскую и военно-партийную работу в родном городе, был арестован по обвинению в организации покушения на министра просвещения. В сентябре 1922 года по решению партии он нелегально эмигрировал в СССР.

Проживая в Москве под фамилией Афанасьев, он успешно окончил факультет общественных наук Академии коммунистического воспитания и аспирантуру Коммунистического университета имени Свердлова. Затем до 1932 года находился на партийной и преподавательской работе.

В марте 1932 года Б.М. Афанасьев становится сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. В том же году его направляют на нелегальную работу в Вену. В марте 1936 года Б.М. Афанасьев выехал во Францию в качестве руководителя нелегальной группы. Одному из агентов Афанасьева удалось войти в доверие к Седову и даже получать от него интересующую руководства нашей страны информацию.

Однако самым важным агентом в ближайшем окружении Льва Седова был привлеченный летом 1934 года к сотрудничеству с советской разведкой резидентом ИНО ОГПУ в Париже Станиславом Глинским Марк Зборовский (оперативные псевдонимы «Мак», «Тюльпан»), которым Афанасьев руководил весь период своей командировки. Зборовскому удалось внедриться в Международный секретариат IV Интернационала, занять место одного из руководителей его русской секции, стать своего рода личным секретарем Льва Седова, с которым он встречался практически ежедневно, и даже подружиться с его женой Жанной Молинье.

Поскольку агент ОГПУ имел непосредственное отношение к выпуску «Бюллетеня оппозиции», советская разведка через него заблаговременно получала номера этого издания, которые Сталин читал раньше самого Троцкого.

В августе 1936 года, когда уехавший на время из Парижа Лев Седов поручил ведение всех дел Зборовскому, разведка получила списки адресов приверженцев Троцкого как в СССР, так и в странах Европы. Зборовский также выяснил, что Троцкий передал часть своего архива в Институт исторических исследований в Париже. Узнав об этом из информации разведки, Сталин распорядился вывезти архив в Москву.

В ночь на 7 ноября 1936 года группа разведчиков-нелегалов под руководством Афанасьева с помощью одного из агентов, имевшего прочные связи в управлении парижской полиции, успешно выполнила задание Сталина. Вскоре на Лубянку через полпредство дипломатической почтой был направлен так называемый «архив Троцкого»: огромное количество рукописей, статей и писем Л.Д. Троцкого общим весом около 80 килограммов.

Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, в 1937 году приступил к подготовке первого съезда IV Интернационала. А в Москве начали разработку операции по похищению Седова.

Проведение операции было поручено специальному подразделению НКВД, которым руководил Яков Серебрянский и которое подчинялось непосредственно наркому внутренних дел. Серебрянский был направлен Ежовым в Париж со специальным заданием.

Позже Серебрянский писал: «В 1937 году я получил задание доставить “Сынка” в Москву. Речь шла о бесследном исчезновении “Сынка” без шума и доставки его живым в Москву».

Как же планировалось провести операцию? В архивных документах внешней разведки об этом говорится следующее: «План похищения Седова был детально разработан и предусматривал его захват на одной из парижских улиц. Предварительно путем наблюдения были установлены время и обычные маршруты передвижения Седова в городе. На месте проводились репетиции захвата. Предусматривалось два варианта его доставки в Москву.

Первый – морем. В середине 1937 года было приобретено небольшое рыболовецкое судно, приписанное к одному из северных портов страны. На окраине города-порта сняли домик – место временного укрытия, куда поселили супружескую пару сотрудников специальной группы Серебрянского.

Подобрали экипаж. Только до капитана довели легенду, что, возможно, придется совершить переход в Ленинград с группой товарищей и взять там снаряжение для республиканской Испании.

Капитан изучил маршрут, имел достаточный запас угля, воды, продовольствия. В ожидании команды экипаж судна совершал регулярные выходы в море за рыбой.

Второй вариант – по воздуху. Группа располагала собственным самолетом с базой на одном из аэродромов под Парижем. Летчик – надежный агент. В авиационных кругах распространили легенду: готовится спортивный перелет по маршруту Париж – Токио. Пилот начал тренировки, доведя беспосадочное время пребывания в воздухе до 12 часов. Расчеты специалистов показывали, что в зависимости от направления и силы ветра самолет мог бы без посадки долететь из Парижа до Киева за 7–8 часов».

В подготовке оперативного мероприятия участвовали 7 сотрудников нелегальной группы Серебрянского. Активная роль в операции отводилась самому Серебрянскому и его жене. Однако судьба распорядилась по-иному. Поскольку Зборовскому так и не удалось завлечь Седова и его жену в такое место, откуда их можно было бы легко похитить, приказа на реализацию этой операции не поступило.

8 февраля 1938 года у Седова случился приступ аппендицита. Он был помещен в небольшую частную парижскую клинику русских врачей-эмигрантов и в тот же вечер успешно прооперирован. Однако через несколько дней его состояние резко ухудшилось. Была сделана повторная операция, но 16 февраля 1938 года в возрасте 32 лет Лев Львович Седов скончался.

В третьем томе «Очерков истории российской внешней разведки», являющихся официальным изданием Службы внешней разведки Российской Федерации, по поводу смерти Седова говорится: «Многие историки и публицисты высказывали предположения, что в его смерти повинна “рука Москвы”. Мы посчитали необходимым обратиться к архивам, чтобы проверить, насколько обоснованна эта версия.

Резидентура НКВД, несомненно, проявляла интерес лично к Седову и его сподвижникам. Помимо разведчика-нелегала Б.М. Афанасьева “разработкой” окружения Седова занимался “Тюльпан”. Он стал ближайшим помощником сына Троцкого. В 1936–1937 годах была установлена техника подслушивания телефонов на квартирах Седова и его доверенного лица и любовницы Лилии Эстриной. Через завербованных почтовых служащих просматривалась текущая корреспонденция Седова и его окружения.

Разумеется, сам Седов был в центре внимания разведки. Его довольно беспорядочный образ жизни способствовал бы сравнительно легкому осуществлению покушения на него, если бы такая цель была поставлена. Он не прочь был “широко гульнуть”, рискнуть в игре в рулетку, выезжая иногда в Монте-Карло. Сохранился живописный рассказ “Тюльпана” о том, как они однажды в 1937 году после вечеринки до глубокой ночи бродили по различным питейным заведениям, а затем Седов направился... в публичный дом.

Уже к концу 1937 года Седов часто чувствовал недомогание: побаливало сердце, мучила бессонница. На несколько приступов аппендицита он, видимо, не обратил внимания, и медицинская помощь опоздала. Смерть наступила после двух операций, проведенных одна за другой. По заключению врачей, причиной ее стали послеоперационные осложнения и низкая сопротивляемость организма. Один авторитетный врач, друг семейства Троцких, изучив медицинскую документацию, согласился с выводами коллег из парижской клиники. Однако жена Седова стала решительно возражать, утверждая, что эта смерть – “дело рук

агентов ГПУ». Она потребовала полицейского расследования, которое, тем не менее, доказательств преднамеренного убийства не нашло.

Как видно из архивных документов, советская разведка действительно не имела отношения к смерти Седова».

Убийство в Западном экспрессе

Многим нашим гражданам – людям старшего поколения со школьной скамьи хорошо известно стихотворение Владимира Маяковского, посвященное памяти советского дипкурьера Теодора Нетте, убитого 5 февраля 1926 года в экспрессе Москва – Рига. История «злодейского покушения» на двух советских граждан с дипломатическими паспортами в кармане не сходила тогда с первых полос газет. Однако мало кто знает, что это нападение было подготовлено и осуществлено британской разведкой СИС совместно с германскими и латвийскими спецслужбами, чтобы захватить советскую дипломатическую почту.

Теодор Нетте

Ранним утром, когда пассажиры экспресса Москва – Рига спокойно спали, к купе, где находились советские дипкурьеры, перевозившие дипломатическую почту в Латвию, подошли двое неизвестных в масках.

Стремительно приоткрыв дверь, запертую на цепочку, они в упор начали стрелять по людям, находившимся в купе. Один из них – дипкурьер Теодор Нетте – был сражен пулями убийц наповал, другой – Иоганн Махмасталь – тяжело ранен.

Превозмогая боль, Махмасталь разрядил свой пистолет в нападавших. Когда на выстрелы сбежалась сотrudники поездной бригады, их взору предстала жуткая картина: в лужах крови лежали трое убитых. Личность одного была установлена сразу же по дипломатическому паспорту. Личности нападавших – чуть позже. Ими оказались сыновья управляющего одним из помещичьих имений близ Риги братья Габриловичи.

Англо-германская операция по захвату советской дипломатической почты окончилась полным провалом. Иоганн Махмасталь до конца сохранял дипломатические вализы. В Риге на вокзале, истекая кровью, он отказался от госпитализации, охраняя советскую диппочту. Прибывшему на вокзал представителю советского полпредства он почту не отдал, заявив, что будет охранять ее до тех пор, пока не явится кто-нибудь из советских дипломатов, кого он лично знает. Вскоре прибыл знакомый Иоганну генеральный консул, получил вализы, и только тогда Махмасталь допустил к себе врачей.

Следует подчеркнуть, что сами исполнители террористического акта братья Габриловичи не догадывались об операции западных спецслужб. Им, заядлым охотникам, ведущим светский образ жизни и крайне нуждавшимся в средствах, было сказано, что вализы «бит-

ком набиты деньгами». Как выяснилось позже, «за спиной» заговорщиков стояли сотрудник британской разведки Ллойд и сотрудник германской военно-морской разведки капитан-лейтенант Гаазе. Последний одновременно являлся одним из активных членов крайне правой немецкой организации «Консул», которая вела разведку против СССР с первых дней советской власти, а затем влилась в военную разведку абвер.

За несколько дней до описанных выше трагических событий в экспрессе Москва – Рига в Центр из берлинской резидентуры поступила срочная телеграмма, касающаяся циркулирующих в немецкой столице слухов о якобы готовящемся на территории Германии нападении на дипкурьеров, отправляющихся в Москву. На Лубянке данная информация была воспринята очень серьезно. В столицы ряда европейских государств по линии внешней разведки ушли директивные указания «приостановить отправку дипломатической почты в Москву до особого распоряжения». Ну а «рвануло», как мы видим, совсем в другом месте.

Внешняя разведка вплотную занялась вопросами расследования преступления. На экстренном оперативном совещании начальник Иностранного отдела Михаил Трилиссер поставил задачу через агентуру и доверительные связи за рубежом получить надежную информацию об организаторах террористической операции. Шли дни, недели, и заведенное в Центре оперативное дело под кодовым названием «Почта» постепенно превращалось в солидный том.

Первая информация поступила уже 7 февраля 1926 года. Берлинская резидентура сообщила: «При получении в Берлине первых сведений о нападении на советских дипкурьеров прослеживается связь морского отдела военного министерства с нападением». 9 февраля берлинская резидентура конкретизировала полученную ранее информацию: «Морской отдел знал о нападении заранее. Английское посольство помогло».

11 февраля из Берлина поступила новая информация: «Источник из военного министерства сообщает, что английский военный атташе в Риге Ллойд совместно с немецким морским офицером Гаазе три месяца готовили план нападения на русских дипкурьеров. Операция финансировалась Ллойдом».

В телеграмме берлинской резидентуры от 12 февраля констатировалось: «В министерстве внутренних дел уверены, что за нападением на советских курьеров стоят английские интересы. Уже продолжительное время в МВД имелась информация о том, что определенные круги рейхсвера и морского ведомства поддерживают связи с английскими представителями по этому вопросу».

Обширная информация по поводу нападения на советских дипломатических курьеров поступала также из резидентур в Прибалтике. Она косвенно подтверждала контакты братьев Габриловичей с иностранными спецслужбами.

Так, в сообщении из Каунаса говорилось: «По информации надежного источника в руководстве политической полиции Литвы, имеются убедительные данные о том, что нападение на советских дипкурьеров не носило уголовного характера, как это пытались представить следователи криминальной полиции Латвии. Братья Габриловичи, будучи заядлыми охотниками, постоянно проводили время в компании руководителей латвийской полиции, куда они и собирались поступить на службу. Среди охотников было также много иностранных граждан, с которыми братья имели тесные дружеские отношения».

Однако в потоке сообщений об организации покушения на советских дипкурьеров не было только одного – стопроцентного доказательства участия в заговоре английских и германских спецслужб, чего требовало руководство Иностранного отдела. И наконец оно было добыто.

Берлинская резидентура ИНО ОГПУ оперативным путем получила подлинный текст письма, которое за три недели до событий в экспрессе Москва – Рига Ллойд направил другому заговорщику – Гаазе. В письме, в частности, сообщалось: «Рекомендованные вами два

охотника (речь идет о братьях Габриловичах. – *Авт.*) произвели на меня очень хорошее впечатление. Не считаю целесообразным посвящать этих людей в мои планы и пока что проинструктировал их набрать еще кое-кого в помощь в моем охотничьем матче. Я серьезно рассчитываю, что мои большие надежды, вложенные в эту экспедицию, оправдают себя полностью».

Теперь все встало на свои места. Тщательно проанализировав всю полученную информацию относительно преступления, носившего явно политическую окраску, руководство разведки проинформировало советское правительство: «Можно считать инициативу и организующую роль английской разведки (Ллойд) в деле нападения на советских курьеров твердо установленными. Подготовка велась одновременно и в Германии, и в прибалтийских государствах...»

Оперативное дело «Почта» с письменного стола начальника внешней разведки перекочевало в архив.

Ну а добропорядочные британские джентльмены, обеспокоенные ростом национально-освободительного движения в своих колониях и в 1923 году утопившие в крови народное восстание в Ирландии, предпочитали не замечать этих фактов, а также роли своих спецслужб в убийстве советского дипкурьера. Год спустя они предприняли попытку обвинить СССР во вмешательстве во внутренние дела Англии и разорвали с ним дипломатические отношения. Впрочем, эта грязная политическая акция, о которой речь пойдет ниже, подорвала доверие... сотрудников Правительственной школы кодов и шифров (ПШКШ) к правительству консерваторов, и с этих пор главная британская служба радиоперехвата предпочитала не делиться с ним получаемыми сведениями. Так, когда во время Гражданской войны в Испании ПШКШ получила сведения об истинной военной мощи Германии и Италии, она не доложила эти сведения кабинету «мюнхенцев» во главе с Чемберленом. В 1930-е годы, когда для Британии наибольший интерес представляли сведения о военной мощи СССР и Германии, британские криптоаналитики также не сообщали своему правительству никаких данных по этим странам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.